

Библиотека
Биробиджанской еврейской религиозной общины «Фрейд»

Эммануил Казакевич

БИРОБИДЖАН СТРОЙ

Биробиджан
2016

УДК 821.112.28
ББК 84 (Рос-Евр)
С 23

Казакевич Э.Г.
Биробиджанстрой. Сборник стихов на еврейском (идиш) языке и в переводе на русском языке.

ISBN 978-5-904121-20-4

Поэтический сборник «Бирэбиджанбой» (Биробиджанстрой) Эммануила Казакевича увидел свет в 1932 году. Это была не только первая книга автора, но и первое литературное издание биробиджанской типографии. Некоторые из этих стихов в переводе с идиш на русский Семена Бытового, Виктора Соломатова, Леонида Школьника широко известны и неоднократно публиковались в различных литературных изданиях.

Настоящий сборник – результат совместного проекта газеты «Биробиджанер штерн», областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема и института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Подстрочный перевод стихов осуществила Елена Сарашевская, литературную обработку – поэты Алла Акименко, Валерий Фоменко, Виктор Антонов, Евгения Батурина, Виталий Бурик, Римма Лавочкина.

Сборник вышел в серии «Библиотека Биробиджанской еврейской религиозной общины «Фрейд».

Редактор Гуревич В.С.
Рекомендовано к изданию Ученым советом ИКАРП ДВО РАН

Эммануил Казакевич – боец и гуманист

История создания и развития Еврейской автономной области, ее еврейской культуры тесно связана с Эммануилом Казакевичем, имя которого носит одна из улиц областного центра,

Приехав в 1931 году восемнадцатилетним юношей строить «социалистический Биробиджан», Эммануил возглавил колхоз «Валдгейм» и, как отмечали его современники, справлялся с задачей успешно.

«Молодой председатель колхоза был в Биробиджане не менее популярен, чем его отец – в то время главный редактор областной газеты «Биробиджанер штерн». Поэт, витавший в облаках, опустил на таежную заболоченную землю, окунулся в заботу о хлебе насущном, об устройстве жизни переселенцев в далеком краю...» – пишет в своих воспоминаниях о Казакевиче журналист Тевье Ген.

Проработав около двух лет председателем колхоза, Казакевич был назначен начальником строительства Дома культуры в Биробиджане. Построив его, он стал директором организованного в этом здании Биробиджанского государственного еврейского театра. Помимо решения многочисленных хозяйственных проблем, молодой директор занимался комплектованием труппы, обеспечением театра добротным репертуаром. В Москве Эммануил встретился с руководителем Московского ГОСЕТа Соломоном Михоэлсом, который поддерживал его. И вскоре выпускной курс еврейской театральной студии образовал ядро нового театра, первый спектакль которого состоялся 9 мая 1934 года в дни образования Еврейской автономной области.

Как отмечает в своих воспоминаниях об отце Лариса Казакевич, «и все это время – работая в колхозе, на строительстве Дома культуры, директорствуя в театре – он писал стихи, прозу и пьесы, переводил, в частности, Маяковского, которого очень любил». Свои произведения – чаще стихи на идиш – он регулярно публиковал в местной газете «Биробиджанер штерн» и альманахе «Форпост», а переводы лирики Казакевича печатали в газете «Тихоокеанский комсомолец».

Первый поэтический сборник на идиш «Бирэбиджанбой» (Биробиджанстрой) молодого поэта Эммануила Казакевича был издан в Биробиджане в 1932 году. В стихах ощущался необычный стиль поэта, преобладали емкие и глубокие гражданские мотивы. Творческим отчетом поэта за первое десятилетие литературной работы стала книга стихов «А гройсе велт» («Большой мир»), вышедшая в 1939 году. Через год, уже будучи членом Союза советских писателей, он совместно с Давидом Бергельсоном написал книжку «Биробиджан». А уже перед самой войной – роман в стихах «Шолом и Хава», в котором с искрящимся еврейским юмором показал жизнь, устройство первых переселенцев, зарождающийся новый быт.

Военная повесть «Звезда», написанная в 1947 году, стала известна не только в СССР, но и за рубежом, дважды экранизировалась. Написав еще не мало интересных книг – «Двое в степи», «Весна на Одере»,

«Сердце друга» и др. – писатель оставил заметный след в советской прозе. За творческие заслуги он дважды становился лауреатом Государственной (Сталинской) премии в области литературы.

В данной книге мы представляем читателям копию первого сборника поэта «Бирэбиджанбой» (Биробиджанстрой) и переводы вошедших в него стихов, выполненные местными журналистами и поэтами. Некоторые из этих стихов в переводе Семена Бытового, Леонида Школьника, Виктора Соломатова уже публиковались в различных изданиях. Подстрочные переводы выполнила Елена Сарашевская, а литературную обработку – Валерий Фоменко, Алла Акименко, Виктор Антонов, Евгения Батурина, Виталий Бурик, Римма Лавочкина.

Читатель получил возможность познакомиться со статьей Манфрида «Поэзия высокого поэтического пафоса» о творчестве Эммануила Казакевича, опубликованной в феврале 1938 г. в газете «Биробиджанская звезда».

Эммануил Казакевич прожил яркую жизнь. Он один из тех, о ком писал в своей книге «Евреи в тайге» Виктор Финк в начале 1930-х годов: «рука могучей эпохи подняла их высоко и швырнула на край земли, туда, где начинается неведомое и страшное – тайга. Они не отступили перед ее зловещим гудением, не бросились назад, столкнувшись с суровостью. Они выстояли в первой, самой решительной схватке».

Заведующий лабораторией истории
еврейской культуры ИКАРП ДВО РАН

В.С. Гуревич

Поэзия высокого поэтического пафоса

(О творчестве Эм. Казакевича)

Есть поэты, которых можно уподобить певчим птицам: едва лишь «оперившись», они начинают петь в силу того голоса, который им, так сказать, дарован природой, и так уж поют всю свою творческую жизнь. Среди таких поэтов имеются более или менее занятные соловушки, имеются скромные воробушки, имеются также скворцы, поющие с чужого голоса. Во всяком случае, у таких поэтов, как у певчих птиц, мотив довольно однообразный, повторяющийся, и читатель очень скоро перестает ожидать от них что-либо новое. Это те «кудреватые мудрейки» и «мудреватые кудрейки», которых так жестоко высмеял великий поэт Маяковский.

О молодом поэте Эм. Казакевиче хочется, прежде всего, сказать, что к этой категории поэтов он не принадлежит. Процесс его творческого самоопределения, его художественного становления одновременно и прямолинеен и ясен, и сложен и труден. Он прямолинеен и ясен в своей целеустремленности, идейном содержании. Он сложен и труден в поисках более совершенных поэтических выразительных средств, большого художественного замысла, в стремлении поэта не только привнести и свои стихи, но сказать свое, новое слово в советской еврейской поэзии.

Эм. Казакевич начал писать еще в детские годы, но началом его поэтического пути можно считать его первые биробиджанские стихи в 1932 году. Уже среди этих стихов были такие, в которых обнаружились основные черты его творчества — органическая, кровная связь не вообще с нашей советской действительностью, но с ее повседневной конкретностью и активный, политически - заостренный характер каждого стиха.

Эта идейная целеустремленность, высокий политический пафос пронизывает и сейчас каждый стих молодого поэта. Он отзывается темпераментными, лирическими стихами на события нашей великой сталинской эпохи. В нем находит глубокий отзвук героическая борьба испанского народа, он участвовал своим творчеством в кампании по выборам в Верховный Совет СССР. Чувство советского патриотизма, любовь к нашей замечательной родине — это у поэта-комсомольца глубокое, почти интимное чувство, и мы ему полностью верим, когда он пишет в своих «Октябрьских стихах»:

В каждой песне от беринговых льдов и до балтийских вод,
В каждом ясном взоре твою славу я постиг.
Октябрь мой, во многих образах великий образ твой живет,
Я сам — один из образов твоих.

Казакевич — биробиджанский «старожил», он активный участник строительства нашей молодой социалистической области. По праву он заявляет в своих стихах, что он служит родине не только стихом, но

и делом. Поэт врос корнями в плодотворную почву советской еврейской государственности, где расцветает с новой силой социалистическая по содержанию и национальная по форме советская еврейская культура, и это придает его творчеству особую свежесть и силу, которая сказалась в таких стихах, как «Рождается город», «Седьмое мая» и ряде других стихов о Еврейской Автономной области.

Таков единый идейный путь развития творчества молодого поэта. Но между часто наивными по форме стихами первого биробиджанского цикла до цикла октябрьских стихов, напечатанных в последнем номере журнала «Форпост», объем политической и лирической темы, выразительные средства поэта значительно усовершенствовались. Разницу между этими двумя циклами стихов хотелось бы сравнить с разницей между зелеными кочками и зрелым плодом.

Но это сравнение не совсем точно, ибо о полной зрелости творчества Казакевича и сейчас еще рано говорить. Есть ли это зло? Думаем, что нет, ибо медленность созревания здесь компенсируется другими качествами.

Среди молодых советских еврейских поэтов Казакевич несомненно один из культурнейших и поэтому один из требовательнейших к самому себе. Творчески Казакевич идет от талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского, он учится у великого Гейне - а такие высокие образы обязывают. Поэт непрестанно ищет новых выразительных средств, он пробует свои силы в различных поэтических жанрах, как сюжетный стих («Девушка в тайге»), как сатирические стихи («Заявления в РКИ» в 1932 году, некоторые главы в новой поэме, над которой он работает) и т. д. Среди молодых советских еврейских поэтов (и не только среди молодых) Казакевич один из наиболее дерзающих. Он берется за темы большого философского и исторического масштаба. Он пробовал, и не без успеха, создать цикл стихов о Марксе, о Ленине, он сейчас работает над большой и по замыслу чрезвычайно интересной поэмой на материале истории еврейского трудового народа.

Это делает творческий путь молодого поэта более сложным, более трудным, но зато более обещающим, далеко идущим. Казакевич еще мало дал завершеной литературе, но то, что он дал, позволяет ожидать от него действительно нового слова, произведений, действительно достойных нашей великой эпохи.

И все таки, чтобы ожидаемое пришло поскорее, необходимо указать поэту на некоторые серьезные недочеты в его творчестве, мешающие ему занять уже сейчас видное место в советской еврейской литературе.

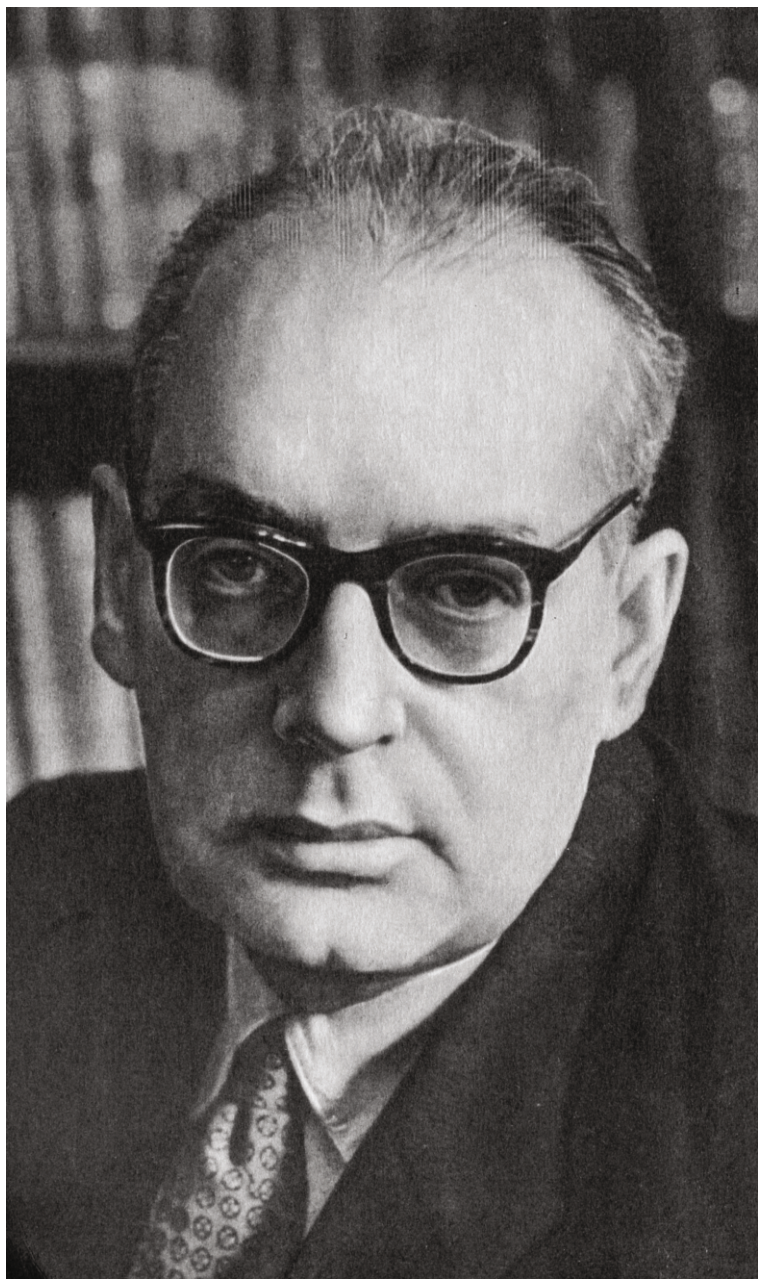
Берясь за темы большого масштаба и замысла, Казакевич в своих более крупных вещах иногда соскальзывает на путь поэтических формул вместо углубленных художественных образов. Конечно, это – не путь к большому искусству. И еще: до сих пор у поэта в некоторых его стихах имеются неотшлифованные, легковесные строки, некий рецидив литературного «младенчества» в вполне зрелых вещах (напр. «Песня о себе» и др.).

На преодоление этих недочетов в его творчестве, на скорейшее достижение художественного совершенства и отшлифованности каждого стиха – на этом поэт должен сейчас серьезно поработать, чтобы более твердо и уверенно выйти на арену еврейской советской литературы.

В заключение хотим еще добавить, что кроме своего поэтического творчества Казакевич плодотворно работает в еврейской литературе и как переводчик. Особенно необходимо отметить ту большую службу, которую он сослужил еврейской литературе, переведя первым на еврейский язык ряд произведений Маяковского. В связи со столетней годовщиной со дня гибели Пушкина Казакевич дал несколько замечательных переводов пушкинских стихов. («Памятник», «Бесы» и другие). Недавно он также высококачественно перевел для биробиджанского еврейского государственного театра им. Л. М. Кагановича известное драматическое произведение «Уриэль Акоста».

Н. Манфريد.

Газета «Биробиджанская звезда», 01.02.1938, №25, стр. 3,4.

Э. Г. Казакевич, 1960-е гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книжка стихов написана в Биробиджане и о Биробиджане.

Каждый мотив, каждая деталь в стихах, предлагаемых читателю, думаю, хорошо знакомы всем строителям Биробиджана.

В борьбе за освоение несметных богатств дальневосточного края на границе с Маньчжурией мы выковываем нового человека и слагаем новые песни. Стихотворения в этой книжке – это всего лишь проба, попытка литературного творчества их автора, попытка в отдельных случаях, признаю это, пусть не всегда удачная. Впрочем, в процессе создания стихов, как и на нашей стройке, тоже ведь временами случаются срывы.

Ну так и что ж?

С каждым днём руки наши становятся крепче, с каждым шагом зорче взгляд. Все просчёты и недостатки нами непременно будут устранены, и все программы, которые наметит партия, мы выполним, потому что, как учит нас товарищ Сталин, реальность наших программ опирается на повседневный труд живых людей, на нашу готовность побеждать, на нашу волю к победе.

Эм. К.

Перевод Валерия Фоменко

На западе солнце большое цветёт

* * *

Как только на Запад огромное солнце вернется,
С Востока услышу глухое ворчание грома,
Мне в самое сердце вдруг новая песня ворвется –
Особая песня таежного светлого дома.

И разве идущим по нашим усталым шагам
Придется, как нам, проходить сквозь горнило невзгод?
Шумит и волнуется гордый и мощный Хинган
И требует: «Только вперед и вперед!»

И что нелегко нам? Кого нам на помощь позвать?
Дождям и морозу навстречу встаем в полный рост,
Чтоб пути таежные крепкой рукой разорвать,
Кто, если не мы? Кто прочней и надежнее пост?

Прикажет нам партия: «Стиснувши зубы идти!»,
Кто скажет вдруг: «Стой!» или «Нет!»? Только враг.
Никто и ничто нам не станет помехой в Пути.
И с новой песней ровней и уверенней шаг!

Звучит эта песня для многих народов и стран.
Быстрей шаг за шагом,
Мой город, мой Биробиджан!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Евгении Батуриной

Солнышко на Западе полыхает заревом,
На Востоке далеко ворчит тихонько гром...
А во мне рекою по жилам разливается
Солнечная песня, неслыханная песня
Про мой таёжный дом.

Кто еще шагал так в жизни через горести,
Через все лишения, что нам пришлось пройти?
А тайга Хингана все шумит, волнуется,
И призывно требует
Вновь вперед идти.

Кто еще мог сравнивать – что трудней, что легче нам?
Путы чащ таежных кто поможет разорвать?
Только в руки верим мы, что даны с рождения
Ни в мороз, ни в дождь
Надежней силы не сыскать!

Не остановить нас, если скажет партия,
И страна прикажет нам, терпеливым, впредь
Шаг держать уверенный. И никто не скажет нам
«Стоп!». Стихии удержать
Нас не суметь!

Все быстрее шагаем мы с песнею неслыханной,
С нашей песней солнечной про таежный дом.
И летит про дом мой песня над округою.
С песней про Биробиджан
Мы вперед идем!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Виталия Бурика

Зелёные палатки

Посвящаю пионерам 1928 г.

Первый трактор

Сквозь густые леса
прорывались на тракторе мы,
по полям и болотам,
ухабам целинной земли.
Наш сияющий новенький «конь»
и шумел, и хрипел,
но, казалось,
мотор его
песню таёжную пел.

Мы на тракторе сильном,
смелели, не знали преград.
Рвали с вьющихся веток
прозрачный лесной виноград,
мыли руки соляркой,
лицо освежали росой.
Но заехали на пепелище
и в дымке густой
потерялись мы –
два тракториста –
в глухой темноте,
до безумия страшной.
И каждый скорее хотел
одолеть черноту,
обгорелый неведомый путь.
Хоть бы деревце встретить живое
и воздух вдохнуть!

Наконец-то!
Где только что не было видно ни зги,
Встала зелень густая
и нежность суровой тайги.
И с весёлой полянки,
у леса на самом краю
мы узрели сквозь ветки
деревню лесную свою.

Но слышались крики –
корейцы, казаки кричат –
всюду крики,
и бабушки ловят поспешно внучат.
Опустели жилища,
лишь скрипнуло робко окно.
Мигом спрятались все.

А позднее им стало смешно,
что за чудище приняли трактор.
Как дьявол с хвостом
показался с испугу им
труженик этот простой.
И слагают легенду:
как страшен и, всё же, красив
«Катерпиллер» стальной –
в 60 лошадиных сил.

Вы, ребята, спросите:
«В году это было каком?»
Я отвечу вам:
«Тысяча девятьсот двадцать восьмом».

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Строителям дорог

Высокая пихта.
Ее поклон.
Повсюду тихо.
Зеленый склон.

Попробуй только кругом пройтись.
Попробуй, топни: эхо – ввысь.
Справа – пропасть. Слева – гора.
Шепчет робость: «Страшна - игра».

В пропасти – зелено,
Квакают жабы.
Нам велено
Ровнять ухабы.

Думать толком,
Работать руками.
Летит долго
В бездну камень.

Горе асбеста
Скажем строго:
«На этом месте
Будет дорога».

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Зелёные шатры

Посвящается Бейнфесту

Родники, ручьи, реки
Стекаются, воды катят.
Зеленая гладь болот под красным закатом.
Раскинула свой зеленый шатер кочка.
Рядом тайга. Заячья капуста.
Травы. Луга сочные.

Жара нестерпимая. Болотные топи.
Сотни километров хлюпаем, топаем...
Лисенок выскочил рыжий.
Кинулся туда-сюда трижды.
От травки – к росточку –
запутал следочки.
И обратно в нору дал деру.

С ружьем на плече кто там?
Бескрайние, как небо, зеленые болота.

Хочу шагать по открытым просторам.
Хочу объять эту ширь.
Как здорово!
Раскинула кочка зеленые шатры,
Сыростью пахнущие.
Пещер-лабиринтов двери распахнутые.

На край Земли шагаю и твердо знаю,
Что красное государство
Должно всеми силами
Ликвидировать это зеленое царство!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Творчество

Тихонькая-Биробиджан

М. Рашкесу

Песенка о станции Тихонькой

Где на сопках синих
солнышка с излишком,
станция стояла —
маленькая слишком.
Тихонькая — станция,
робкий огонечек.
Но однажды маятный
выдался денечек:
зашумела станция,
поезда встречая
из Орла и Жмеринки,
Умани и Гая.
Все переселенцы
местностью довольны —
сопками крутыми
и простором вольным,
сочными лугами,
где лишь ветер бродит...
- Значит, остаемся?
- Таки-да, выходит!
- Эй, товарищ Мойше,
вымолвите слово:
кто там возле станции —
тигр или корова?
— Что же, тигр — неплохо,
но корова лучше...
Тихонькая — станция —
в будущее ключик.
Те, кто в эшелонах
шумных приезжают,
город свой построить

над Бирой мечтают —
солнечный, как песня,
юный и прекрасный,
как улыбка, светлый,
как удача, ясный!

Перевод Леонида Школьника

Песенка о станции Тихонькой

Где по сопкам солнце
Мёд свой разливало,
Тихая такая
Станция стояла.

Семафор упёрся
В даль зелёным оком,
А Москвы не видно,
А Китай – под боком.

Сопки да болота –
Тихая сторонка.
А добыл копейку –
Вот и самогонка.

И сюда-то (надо ж
Отколоть коленце!)
По сибирским рельсам
Мчат переселенцы.

Где в пятнашки солнце
На лугах играет,
Скромно новосёлов
Станция встречает.

Из вагона выйдешь –
Можно заблудиться.
Тут-то и увидишь,
Кто на что сгодится.

- Значит, остаёмся!
Дом построим новый...
- А скажите, Мойша:
Тигр не съест коровы?

- Тигры здесь, что тёлки –
Смирны совершенно!
А скажите, тётя:
Тигры не кошерны ль?

Вот туман на сопки
Молоком стекает.
Где же эта станция,
Тихая такая?

Местечковый гомон
Входит в новый край:
Шлём в Москву отчёты,
Смотрим – на Китай.

Подстрочный перевод Валерия Фоменко
Перевод Виктора Антонова

Гражданка тайга

Слово имеет гражданка Тайга:
— Ах, как прекрасна я и строга.
Тропинки-морщинки разглажу,
Подрумянюсь зарей чуток,
В зеленые кудри свои прилажу
Багульника яркий цветок.
Моют мне горные реки ноги,
Ветры причесывают меня.
Слышишь — медведь поднялся из берлоги.
И если чего я боюсь, то огня.
В травы мои лунно-спелого цвета
Еще не брошено ни одно кольцо...
В озера, полные синего света,
Еще не гляделось ничье лицо.
Только белки сидят на плешивых сучьях,
Осыпая вниз скорлупу орехов,
Да сороки сорок сороков пересудов
Разносят на хвостах стоголосым эхом.
Олени к ключам спускаются пить,
Да ухает в чаще вещий щур...
А тех, кто хочет меня покорить,
Я не пущу,
Я не прощу,
Не пу-щу!
Люди хребет мне сломать хотели,
Но я чутка, я сплю, как разбойник.
Я ошетилюсь иглами елей.
Я завалю буреломом дороги...
Так-то лучше, так-то спокойней,
Уходи, Человек, и меня не трогай.
Золота много и серебра хватит
На многие-многие сотни лет.
В черном, расшитом ночами халате
Я утоплю, затеряю твой след.
Прочь, Человек!
Уходи поздорову.
Слышишь, башку уноси подобру...

Тебя разгоню я тигриным ревом,
К злату тебя не пущу, к серебру
Не подпущу.
Не прощу.
Хоть с пращами,
хоть с топором
Подступайся ко мне.
Спой напоследок песню прощанья,
Последний свой час живешь на земле.
 Ох, топоры, топоры тароваты
 Затараторили до поры...
Чем же, ну чем же я виновата?
Зачем вам тут землю надо рыть?
Пропасти в скалах, разверзнетесь,
Кручи —
 вздымайтесь.
Я их не пущу!
В самый последний момент
 я лучше
Ветры свои на людей спущу.
Вейте же, ветры,
 гибкие ветви,
Бейте людей.
Верьте мне, верьте,
Плакучие вербы,
Будет еще у нас радостный день...
В голос кричу:
я не хочу!
я не прощу!
я не пущу!
Тише, гражданка. Умолкните. Ша!
Что-то у вас задрожала душа.
Не из пугливых мы, чтобы вы знали.
Видите это красное знамя?
Что это значит?
Ах, что это значит?
Значит, что жизнь здесь пойдет иначе.
Значит, что мы тут не на пятилетье,
А до конца всех чашоб на свете.

Перевод Виктора Соломатова

На штурм леса!

ВСЕ НА ШТУРМ ЛЕСА!

В руках – топоры, и в глазах – огонёк,
И в памяти – лозунга несколько строк:
«КОММУНИСТЫ И КОМСОМОЛЬЦЫ,
СЕГОДНЯ НИКТО НЕ ВПРАВЕ
ОСТАВАТЬСЯ ДОМА!
ВСЕ – НА ЗАГОТОВКУ СТРОЕВОГО ЛЕСА!»

Нарушен тайги вековечный покой,
И каждый сегодня при деле:
Со звоном стучат топоры вперебой
И слаженно пилы запели.

Серебряным инеем сыплет хвоя,
И с грохотом рушатся ели.
Мы в этот воскресник сумеем, друзья,
Достигнуть поставленной цели.

Задача проста – в этот день запастись
Двадцатый вагон древесины
На экспорт, чтоб после взамен обрести
Цемент, трактора и машины.

Но если же кто-то из внешних врагов
Посмеет не жить по-соседски,
Наш край ошестинится лесом штыков –
Не импортных,
наших,
советских.

Перевод Валерия Фоменко

Делегация из Ленинграда

Жмёт мороз с утра в Биробиджане,
Обжигает лица ветерок...
Крупной рысью тащит наши сани
Молодой каурый меринок.

В санках трое: двое ленинградцев,
С ними я – и кучер их, и гид.
«Не чудно ли видеть это, братцы,
Ведь мороз, а солнце прям горит!»

Мучников, путиловский рабочий,
Молвив это, снова замолчал.
Алексеев (тот до слов охочий)
Головой согласно покачал

И продолжил: «Да, мороз не хилый!
И куда ни глянь – белым-бело...
Вот бы нам со снегом так фартило,
Только здешним больше повезло...

Ну и поделились бы снежком-то,
С ним у вас такая благодать!
Помолчу уж о другом о чём-то –
Больше-то от вас чего и ждать?..»

«Вот так гость!» – подумал я с досадой.
Шутка шуткой, правда правотой,
Да, мы далеко от Ленинграда,
Да, нам далеко до Ленинграда –
Таки да. Но погоди-постой,

Дай нам время – здесь такое будет,
Что и ленинградца удивит.
А о крае нашем, как о чуде,
Весь народ в стране заговорит.

А пока здесь снег, леса, болота,
Как и сотни лет тому назад...
Только разве здесь не знает кто-то,
Где и как рождался Ленинград?

Ленинградцы в Валдгейме

Всюду снег да снег блестящий, в розовых лучах.
Поутру мороз трескучий – наш, биробиджанский, лучший!
Иней на плечах.

Тащит сани лошадёнка, словно на параде.
А в санях, зарывшись в сено, и промёрзнув совершенно,
гости «с Ленинграда».

Вдруг путиловский посланник оборвал молчанье:
«Как здесь солнце полыхает! Светит, будто в мае».

А хавэр Алексеев – старый большевик,
Тот, тряхнув вожжами, с улыбкой говорит:

«Снегу тут на Бире – ужас сколько, право.
Вы бы поделились снегом с Ленинградом.
Ну, мой друг, - не хмурьтесь, нечего сердиться...
Или вам пока что нечем поделиться?»

Тут меня такая проняла обида,
Что аж стало жарко! Но не подал виду.
Только доху сбросил на живом морозе,
Да перехватил я у ленинградца вожжи.

Наподдал лошадке – снег из-под копыт
Так в лицо и брызнул.
Я ещё присвистнул,
И возок по речке аж стрелой летит!

Едем, едем, мчимся. Всюду синь-простор.
Поле, реки, рёлки и цепочка гор...

Здесь такие шири, здесь такие дали!
Вы таких от роду, знаю, не видали!

Это раз увидишь – навсегда полюбишь!
Птицу в поле поднял – в жизни не забудешь!

А Биро-Биджан наш – дело молодое.
Мы не хуже Питера дом в лесу построим!

Мчимся, мчимся дальше по родной земле.
Все друзья и братья мы в большой стране.

Если встанем вместе – силы нет сильней
От тайги до самых
британских морей.

Подстрочный перевод Валерия Фоменко
Перевод Виктора Антонова

Бирский мост

Кореец с деревянного парома
Глядит на бурное течение реки.

А небо – покрывало. Разноцветно.
И то ли чудо, то ли солнце это –
Не спрашивай! Слепит из-под руки!

Вот берег правый встал стеной зеленой.
И левый берег - плотен и высок.
Сошлись деревья под единой кроной.

Кореец с деревянного парома
привычно плюнул в бешеный поток.

По берегу - лошадка - ходом пешим.
Паром натужно тащит важный груз.

Кореец вертит колесо неспешно,
Устало слушает его негромкий хруст.

А слышит ли он тонкий стон веревки
И дальний не совсем знакомый стук?
И видит ли, как весело и ловко
В зеленом русле мост возводят тут?

Упрямо, вопреки теченьям резвым,
И гордо встали сваи на реке!
Трещит, скрипит паром, груженный лесом,
Отвыкший от хождения налегке.

И то ли чудо, то ли солнце это –
Не спрашивай, а вглядывайся ввысь,
Манящую надеждой разноцветной.
Мы строим мост. Уж сваи поднялись.

И не смотри назад, как в тихий омут.
Мы новым делом занялись всерьез.
От нынешнего берега к другому,
Неведомому, тянется наш мост!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Мотл ловит рыбу

М.Кадышевичу

*«Моя мама ворует рыбу на рынке».
(Слова из народной песни)*

Нынче в деле все мужчины:
На Амуре – час путины.
По маршруту рыбьих стай
И Россия, и Китай.

Чуть покачивает лодку
«Пограничная» вода.
– Поработаем в охотку!
Расправляйте невода!

Парус – словно белый флаг.
За бортом – кеты косяк.
Шевелись живей, рыбак!
Ветер свежий, сеть крепка,
Острога – острее найди-ка! –
Что твоя казачья пика.

Не скупись, Амур-река,
Одари нас всех сполна.
Рыба нам нужна?
Нужна!

Сеть забросив, отдыхаем –
Рыбка к нам сама придёт.
Молча курит старый Хаим,
На корме томится Мотл.
Чайки кружат над волнами –
Ждут улова вместе с нами.
Только кто ж его не ждёт?

Крепкий ветер волны гонит,
Сети с рыбой вглубь ушли.
«Всё! Шабаш! Уходим с тони!
Сеть поднимем на мели!»

«Сколько их, гляди, приплыло!
На два плана как-никак.
Тут бы только сил хватило...» –
Прокричал один рыбак.

От улова сеть трещит.
Ох, не порвалась бы!
Тяжкий труд – её тащить.
Но ведь бросишь разве?

Рыба – глыба серебра,
Острога в руке остра.
Молодчина, Мотл-Матвей,
Он здесь «пашет» всех живей.

Крепко сшит и ладно скроен
Парень смотрится героем.
Улыбается: «Ну как?
Вам ваш новенький рыбак?»

...Горел закат, дымился. Шумел Амур.
У рыбаков вечерний был перекур.
А я с тех пор надолго запомнить смог
По-моему, забавный короткий диалог:

– Ты, Мотл, откуда родом и как сюда?
– Да вот бывает в жизни такое иногда:
Поехал я однажды в Москву из Крыма,
Но как-то получилось: проехал... мимо.

Народ смеётся шутке:
– Прямо, как в кино...
– Хотя, сказать по правде,
И не смешно.
В ответ, не дрогнув бровью,
Сказал с улыбкой Мотл:
– Смеяться для здоровья
Врачи велют нам. Вот...

Перевод Валерия Фоменко

К столбу беглецов!

Он сбежал,
прихватив спецодежду «на память»,
а сюда вёз перины
с украинскими клопами.
Продал с прибылью в Иркутске
всё имущество
и хихикнул:
- Холодный Восток или Юг –
Лучше что?
Стал всем жаловаться,
какой он бедненький.
А ехал сюда
с духовной жаждой
проповедника.
Но в мелком его,
нечистом сердце, махоньком
трусливые чувства,
как жабы в болоте квакали.
Тихо сказал
Биробиджан ему на идиш:
- Кругом великая стройка развернулась,
ты видишь?
Ветер сильный, стремительный,
а мельницы нет.
Все вместе выстроим мельницу
на тысячу лет.
Видишь, как двигаемся вперёд
полным ходом,
как мы растём,
и кто товарищ нашему народу!
Но в сердце его
древний голос звучит непрошено:
Менахем Мендл – его бедняцкое прошлое.
Бормочет он:
- Дайте! – зазубренной фразой –
- Мне плохо!
Мне дайте ещё и всё сразу!
Однако, пока ныл
и жаловался он,
Биробиджан поднял

сад цветущий на склон,
разорвал динамитом
отвесные скалы.
Сквозь тайгу зашагали пилы,
сверкая металлом.
В стогах душистое сено.
Работа кипит.
Пылает обжиг.
Глина превращается в кирпич.
Звучит команда:
- Крепко стоять на местах!
Мы строим дом,
Отбросить нитьё и страх!
Мы строим дом
С упрямством яростным!
Мы строим дом,
С любовью ясною.

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Марш-интерн

Вершины сопок,
Глаза, как звезды.
Играют марши.
В них марш-интерн.

В ярком великолепии.
Сияет разлитое солнце
- Товарищи наши литовцы!
Что вы привезли, друзья?

- Большое желание бороться,
Сиянье янтарного света.
С любовью к стране Советов
мы прибыли в эти края.

Таёжное тысячелетнее
дикое великолепие.
- Товарищи из Америки,
Что вы привезли сюда?

- Холодные ночи Бостона,
Где мы прозябали босые.
Презрение к шкуре толстой
Бесчувственных жирных обжор.

А там палестинцы стонут
под властью английской стоя!
- Тоже приехали строить?
Что же вы привезли?

- Ненависть к блефу Вейцмана
Зубы, сжатые силой,
«Нет - сионистским призывам»
С собою мы привезли.

Горные манят вершины.
Сияют глаза, как звезды.
Сливаются разные марши
в единственный марш-интерн.

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Третий большевистский

Рапорты

Комитет
партийного аппарата.

Товарищ Левин,
слушай наш рапорт...

Каждый глаз -
рентген.

Каждый мускул -
сталь.

В каждом ухе
- марши.

И под каждой парой бровей -
воля к победе нашей.

Товарищ Левин,
твоя задача
быть бдительным,
быть зрячим.
Здесь еще в досталь
тех, кто не видит
дальше своего носа,
тех, кто тайно выйдет
и уйдет с моста,
тех, кто гасит мечту и азарт -
тянет нас назад.

Товарищ Левин,
будь уверен:
наши руки не сложены,
и мозги наши верно служат.
И мосты назад сожжены.
На плечах - наши ружья.
Новой песней наполнен рот.
Трактор - в поле!
Только вперед -
наша воля.

Хабаровск.
Крайком.
Товарищ Бергавинов.
Слышишь,
голос течет над тайгой и долиной.
Каждый глаз, как рентген.
Каждый мускул, как сталь.
День великого соревнования настал.
Наше зрение – остро.
Наша воля – крепка.
Лес – поленицей дров.
Плещет рыбой река.
От щедрого поля – хлебный колос.
Слушай, слушай наш голос.

Москва.
ЦК.
Товарищ Сталин.
Рапортовать мы не устанем.
Штурмуем дикую тайгу.
Мы строим дом не берегу.
Товарищ Сталин.
Будь уверен.
Открыты в будущее двери.
Растет за этажом этаж.
Сухой в патронах порох наш.
Уверен будь,
товарищ Сталин,
нам не страшны любые беды.
Мы сеем на таежных далях
зерно
и песню,
и Победу!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Тракторные колонны

Запевайте! Пусть крепнет наш голос
И вливается в песню полей.
В ярком солнце и горы, и доли –
Золотая весна на земле!

На колхозных полях – посевная,
И не зная покоя с утра,
Ни на час, ни на миг не смолкая,
Напряжѐно гудят трактора.

Градом сыплется в борозды соя,
Здесь ведут на гектары счёт.
И никто не нарушит строя,
И никто опоздавших не ждѐт...

Блещут гусениц цепкие траки,
Жаром дышит моторов сталь.
И от выхлопов каждый трактор
В голубую оделся вуаль...

Вот недолгая остановка
Для загрузки-засыпки семян.
Тут наш Мойша работает ловко,
И не хуже его – Си Чан.

А Сергеев – казак из местных –
Он в движениях - виртуоз:
И о силе его, как известно,
Поговаривает весь колхоз.

...Дело к вечеру. Сделано много,
Но не глохнут вдали трактора.
Там торят к урожаю дорогу
На земле, что как будто вчера
Никому и никак не служила,
Диким полем была.

Перевод Валерия Фоменко

Тракторная колонна

Песню пой — пусть громче будет голос!
Песню новую
Вы слышите, друзья?
Как в бокал хрустальный,
В реку льется солнце.
Как поток, как град на землю,
Шире, звонче
Льется песня новая моя.

Трактора ревут, дымят и пашут
Новые гектары без конца.
Я иду торжественно по пашне,
Тракторов бока блестят на солнце.
Счастлив я —
Май, молодость, весна!

А когда созреет наша соя —
Под брезент засыпем в закрома
Урожай, став братьями в работе,
Мойше и Сергеев,
Чан и я.

Словно радиатор, жаром пышет
Сердце от веселого труда,
И косилки тракторов — как крылья!
Окрылен Биробиджан и я!

Пусть как море разольется песня,
Землю в мае напоит дождем,
Пусть летит до берегов Китая —
Слышите в Китае песню в мае?
С песней через ширь страны шагаем,
С тракторами через май идем!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Виталия Бурика

Товарищу Сталину

Из края, откуда приходит рассвет,
Мы шлем комсомольский горячий привет!
И рады Вам с честью сейчас доложить,
Что мы начинаем по-новому жить.
И нынче на месте тайги и болот
Уверенно будущий город растёт.
А в пику различным соседям лихим,
Мы порох свой держим отменно сухим.
Поля и дороги, дома и мосты –
Трудом обновлённого края черты.
Пусть верят и знают в московском Кремле:
Мы строим счастливую жизнь на земле.

Венцелево

Перевод Валерия Фоменко

Имя Сталина

Как это здорово – растекаться полями, просторами
вместе с тракторами радостными потоками!

Сталинфельд встретит нас золотыми токами,
нас, пахнувших дикой природой,
повенчанных с ветром и непогодой.
Сталинфельд! Ты носишь самое красивое имя!
Мы его еще не заслужили,
но ты считаешь нас своими.

Колосья будут перекатываться волнами.
Сердца восторгом переполнены.
Сеялки! Кидайте зерна в землю!
Земля зерно приемлет.
Имя Сталина

носить мы рады.

Значит, будем сеять так,
как надо!

Сталинфельд

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Смола и известь...

Песня смолокуров

Катится по небу золотое солнце.
А под ним тропинка узкая легла.
И стекает с веток темно-синих сосен
Вязкая янтарная липкая смола.

- Мало скипидара! – Родина сказала.
Потекла живица по густым лесам,
По прозрачным трубкам, по большим казанам,
По горячим нашим молодым сердцам.

С грудью нараспашку. И на лбу испарина.
Льем смолу как летом. А мороз трещит.
Китайцы и евреи – мы одна компания –
В ясности таежной солнечной тиши.

Солнце золотое по морозным веткам
Разливает щедро смоляной нектар.
Мы трудом горячим возвращаем лето.
Добываем Родине смолу и скипидар.

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Песенка обжигальщиков извести

Крепче стисни зубы – ноша нелегка:
Поднимайся резче, мощная кирка.
Видишь не один я – взмах моей кирки
Разобьет упрямые камни на куски.

В печь бросаю камень. И горит она.
Мы с киркою знаем: известь всем нужна!

Пусть гудит над лесом ветер – не молчит,
Пусть пылает пламя яркое в печи.
Здесь дома на воле встанут навсегда –
Будет в них и доля моего труда!

Стань, огонь огромный, жарче всех огней.
Нам с киркою моею - ударять сильнее!
Посреди таёжной солнечной зимы
Каменную известь обжигаем мы!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Евгении Батуриной

Часы отдыха

Посвящаю А.М.Г.

Корейская новелла

На соломенных циновках
Я сижу, от дня усталый.
Рядом ты со мной. И ловко
Ты играешь на гитаре.

За окном твоим покатым
Умирает свет заката.

Почему кругом так сине,
Что на сердце тяжесть грудой...
И с корейскою дивчиной
Молчалив я, точно Будда.

И немного странно всё же, -
По-еврейски петь не можешь!

Я тебя не знаю разве...
(Ты на память так легка мне).
Это пенье пахнет Азией,
Как вон те большие камни.

Этот вечер так хорош,
Как узнать – о ком поёшь?

Волос твой – вороны перья.
В тыщу голосов гитара,
Губы ... (не скажу теперь я).
А глаза – рубинов пара.

Но опять течёт так хмуро
Под окном вода Амура.

На широкие циновки
Солнце светит так же смело,
И по-прежнему прекрасна
Та корейская новелла.

Мы навек её полюбим...
Подставляй скорее губы.

Завтра ты уходишь в школу
Обучать детей весёлых.

Ну а мне уже пора
Выйти к стукам топора.

Значит, примется за дело
Та корейская новелла.

В этой комнате просторной
Были только мы одни...
Видишь, поздно. В водах чёрных
Гаснут красные огни.

С авторского подстрочного перевода
Перевод Семёна Бытового

* * *

На соломенных циновках
Мнится мне, что стал я старым.
Ты, склонив свою головку,
Треплешь струны у гитары.
А в глазах твоих раскосых
Умирает солнце ало.

В этом мире лиловатом
У меня на сердце – груда.
Ты – корейская прохлада,
Я – твой молчаливый Будда.
Отчего же мне так странно,
Что тебе неведом идиш?

Твои песни пахнут Азией
И благословеньем млечным,
Что прошелестела бабушка
На рыдающие свечи,
Пахнут кремнем – древним тлением
Убиенных поколений.

Твои волосы – корона
Из вороньих синих перьев,
О любви кричит гитара,
Глаз алмазы, губ доверье.
Но свивает ропот хмурый
За окном вода Амура.

Из соломенных циновок
Снова солнце точит стрелы,
Стрелы нежные, льняные,
Как корейская новелла.
Осторожно (аллилуйя)
С губ скатились поцелуи.

Утром чинно выйдешь в школу
Обучать сложеню деток,
Я шагну в твои просторы,
В планы первых пятилеток.
Отчего-то опустела
Вдруг корейская новелла...

Стонет время воспалённое,
На циновку не прильнув.
Жадно солнце утомлённое
Пьёт амурскую волну.

С подстрочного перевода Валерия Фоменко
Перевод Риммы Лавочкиной

На соломенной циновке
 Я раскинулся усталый.
 Рядом ты. Молчим неловко.
 Говорит за нас гитара.
 За окном твоим ненастным
 Умирает солнце в красном.
 Все легко, воздушно, тонко.
 А печаль моя — откуда?
 И с корейскою девчонкой
 Молчалив я, словно Будда.
 Мне немного странно, видишь,
 Что с тобой не нужен идиш.
 Пахнет Азии напевом
 И еврейским воском свечным,
 Пахнет серым камнем древним,
 В камне выбито навечно:
 «С добрым утром, дорогая!
 ...Я тебя не понимаю...»
 Волос твой — корона кедра,
 В тыщу голосов гитара,
 Губы сердце дарят щедро,
 А глаза — брильянтов пару.
 За окошком небо хмуро,
 И темна вода Амура.
 На широкие циновки
 Новый день ступает смело.
 Мне опять молчать — неловко,
 Майн корэишновэлэ.
 Мне спокойнее — не скрою —
 Снова губы слить с тобою.
 Утром ты уходишь в школу
 Дважды два твердить ребятам,
 Я — в широкие просторы
 К планам, пилам и лопатам.
 Мне с руки любое дело,
 Майн корэишновэлэ!..

На циновках — вечер хмурый,
Месяц встал в окне на стражу.
Утомившись, из Амура
Утоляет солнце жажду.

С подстрочного перевода Валерия Фоменко
Перевод Виктора Антонова

* * *

И на циновках из соломы грубой
Я замер, широко открыв глаза.
Ты рядом, и твои не дрогнут губы.
Лишь говорит гитара за тебя.
За окнами печаль струится — солнце
В багрянце умирает до утра.
Зачем в вечерней просини так тяжело
На сердце неприкаянном моем?
Как Будда пред тобой, Цветок Кореи,
Грущу — на идиш нам не петь вдвоем...
Вот ты запела — Азии истома
Благословила свечи Иудеи,
Как древний дух камней земного дома,
Как письменна, которых нет мудрей.
«Тепла и радости тебе, младая дева,
Жаль, непонятна мне твоя новелла».
О! Локоны волос твоих — корона
Из перьев самых легкокрылых птиц!
О, плач твоей гитары говорливой!
Из тысячи он соткан голосов...
В дрожанье губ — неведомая нежность,
Что сердцу лебединому сродни,
В твоих глазах — сияние алмазов,
До сказок Азии — лишь руку протяни...
А за окном Амура берег хмурый,
Не думая о нас, считает дни.

И утром на циновки из соломы
Прольется солнца ясный нежный свет.
Как нежная корейская новелла,
Что так спокойно льется с губ твоих.
Нас утром разлучат дела земные —
Пойдешь ты в школу проводить урок,
Как хлеборобы все передовые
Я повезу зерно на сельский ток...
Так протекает в круговерти буден
Корейская новелла — ты и я.
Но это завтра. А пока — лишь вечер
За окнами луч света притушил,
Что падал на корейские циновки,
Водой амурской солнце напоил.

С подстрочного перевода Валерия Фоменко
Перевод Виталия Бурика

ОХОТНИЧИЙ СТИШОК

Мне сегодня побоку заботы,
Я вдали от суеты сует.
Я – в тайге, я вышел на охоту,
И поди найди теперь мой след...

Осень красит взгорья и долины:
Виды – любо-дорого взглянуть...
В синем небе вереницей длинной
Гуси держат к югу долгий путь.

За плечами у меня – двустволка,
Впереди – мой верный пёс Керзон.
Только дичь, как та в стогу иголка:
Ей встречаться с нами не резон.

Я, поэт и культорганизатор,
В новой роли, кажется, слабак,
Но в глазах собаки виноватым
Быть мне не хотелось бы никак.

Одолев верст пять по бездорожью,
Предлагаю: «Отдохнём, Керзон!»
Пёс к привалу расположен тоже,
И его, похоже, тянет в сон.

Полчаса блаженствуем, однако,
Словно растворившись в тишине.
Чутко дремлет умная собака,
Не заснуть бы вместе с ней и мне...

Отдохнули. Встали. Зашагали.
Вышли в поле... Стоп! Фазан, Керзон!
Грохнул выстрел. Ну и как мы ждали,
Точным был, предельно точным он...

Знай же, пёс, что культпросветработник
И известный в области поэт
По всему – удачливый охотник.
Или ты теперь мне скажешь «нет»?

1932 г., февраль.

Перевод Валерия Фоменко

Любимая, видишь - смеётся луна.
Так близко восточному сердцу она.

Но, всё же, светлее улыбка твоя.
Её лучезарней не видывал я.

Звезды падают под ноги людям.
А люди их топчут и топчут повсюду.

Ты дотянись до меня через мили
Склони на грудь мне голову, милая.
Пусть изумленным робкий рот мой станет,
Который однажды я смолкнуть заставил.

Я знаю, родная, мы встретимся скоро,
через желчь миллионов семафоров!
Как мальчишка, губы кусаю,
На курьерские поезда взгляды бросаю.

Я верю, ты любишь меня, мэйдэлэ.
Ты приедешь сюда, хоть поезд идет так медленно.
Легко писать мне, и ты не молчи,
для нас луна разбросала лучи.

Я чувствую, мы - едины с тобою,
красивы, сильны и богаты любовью.
Настолько, что сами не можем постичь!

С подстрочного перевода Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Мэйдэлэ – девочка

Докладные в Р.К.И.

Как я могу промолчать?

Я, и не будучи поэтом,
Писал в газетах бы об этом.
Но не в стихах писал, а в прозе
О безобразиях в совхозе –
В Амурско-Бирском, если точно,
Где прижились довольно прочно
И безответственность, и лень...
Что в результате? Каждый день
На фермах гибнет молодняк.
Но вот за это здесь никак
Никто и никого не судит.
Что? Значит так и дальше будет?..

Да, я поэт, а не инспектор
И уж тем паче – не судья,
А кто в совхозе том директор,
Сказать тут постесняюсь я.

Февраль 1932 г.

Перевод Валерия Фоменко

Сталинфельдские директора

«Тридцать три профессора,
Отечество, ты потеряло!?» -

Эта фраза Генриха Гейне
Всегда рядом...

Его острый жанр, как заноза.
И, как будто, о Биробиджанском совхозе.

Тридцать три директора ты потерял, совхоз.
Крупных и мелких директоров у тебя - целый воз.

И еще стоит в планах:
- Раздуем штат директоров до высот аэропланов!

Директора, ходят, шагают,
Как паровозы, гудят все:
- Крутимся, как белки в колесе!

Семь нянек, а дитя без глазу...
На поля бы их всех сразу...

Послушайте своих дедов, ребята.
Давно пора сокращать штаты!

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Товарищам из отделений ОЗЕТа Одессы, Тальное и др.

Товарищи! Вы читаете?
Читайте и радуйтесь!
Мои дорогие евреи хорошие,
радуйтесь за добрые дела свои прошлые.
Вы нам прислали много преданной молодежи,
но зачем сейчас отправляете к нам эти рожи:
воров,
сумасшедших,
калек убогих?
Вот что скажу я вам прямо и строго:
- Работники ОЗЕТа из Тальное и Одессы,
Биробиджан – это вам не собесы.
Мы трудно идем по тайге напролом,
не наша задача кормить социальный лом.
Здесь не забава и не игра,
и наша страна – не медвежья нора.
И вас персонально просим мы
здесь не появляться,
поскольку вы сами не очень умны...

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Разговор с Менделе Мойхер-Сфоримом

Реб Менделе!
Не просто так
Я начал с Вами говорить.
В строю я – бдительный солдат.
Нет времени,
Чтоб воду лить...
Вот, с вашей головы седой
Талит спадает на очки.
А я тружусь на посевной,
Где золотой весны лучи,
Где меж Биджаном и Бирой
Вступает красный культобоз
В ряды энтузиастов, в строй,
Чтобы пройти с ним тыщи вёрст.
Вы – книгоноша – не ай-ай!..
Но все равно вам (что сказать!),
В какой шагает лошадь край,
вперед идёт или назад.
Нам книгоноши здесь нужны
Для Первомая, Посевной,
Но твёрдо знать они должны
И цель, и пункт конечный свой.
Вперёд, наш красный культфургон
С восточным именем в груди!
Там солнце на вершинах гор,
Светлы просторы впереди!

И вдруг я слышу: «Вей и ох!»,
Визгливый резкий звук кнута,
Вот Алтер, Беньямин, их вздох.
И горе – в прежние врата.
Белье на крыше ветер рвёт
И жутко воет в потолке.
И подпитой казак ревёт
В жидовском маленьком шинке.
И клячи измождено ржут.
А способ их избавить дан?

- Зачем, реб Менделе,- спрошу, -
Их отправлять за Иордан?
Бредут по скользкому шоссе.
Трещотки – их предсмертный хрип.
Деревья редкие в росе
Их обогнать вполне могли б.
Кибитку бедную трясет
И продувает ветер злой,
Сухие листья вдаль несет.
Реб Менделе, пой песню, пой!

Да, вам великое дано.
Крутые лестницы в раю
Вам деда создали давно.
Но мы теперь в другом строю.

Подстрочный перевод Елены Сарашевской
Перевод Аллы Акименко

Содержание

Эммануил Казакевич – боец и гуманист. В.С.Гуревич.....	3
Поэзия высокого поэтического пафоса. Н. Манфريد	5
Предисловие Эм. Казакевича (пер В. Фоменко)	9
На западе солнце большое цветет (пер. Е. Батуриной).....	10
На западе солнце большое цветет (пер. В. Бурика).....	11
Зелёные палатки	12
Первый трактор (пер. А. Акименко).....	12
Строителям дорог (пер. А. Акименко).....	14
Зелёные шатры(пер. А. Акименко).....	15
Творчество	16
Тихонькая – Биробиджан.....	16
Песенка о станции Тихонькая (пер. Л. Школьника).....	16
Песенка о станции Тихонькой (пер. В. Антонова).....	17
Гражданка тайга (пер. В. Соломатова).....	19
На штурм леса! (пер. В. Фоменко).....	21
Делегация из Ленинграда (пер. В. Фоменко).....	22
Ленинградцы в Валдгейме (пер. В. Антонова).....	23
Бирский мост (пер. А. Акименко).....	25
Мотл ловит рыбу (пер. В. Фоменко).....	26
К столбу беглецов! (пер. А. Акименко).....	29
Марш-интерн (пер. А. Акименко).....	30
Третий большевистский	31
Рапорты (пер. А. Акименко).....	31
Тракторные колонны (пер. В. Фоменко).....	33
Тракторная колонна (пер. В. Бурика).....	34
Товарищу Сталину (пер. В. Фоменко).....	35
Имя Сталина (пер. А. Акименко).....	36
Смола и известь	37
Песня смолокуров (пер. А. Акименко).....	37
Песенка обжигальщиков извести (пер. Е. Батуриной).....	38
Часы отдыха	39
Корейская новелла (пер. С. Бытового).....	39
«На соломенных циновках...» (пер. Р. Лавочкиной).....	40
«На соломенной циновке...» (пер. В. Антонова).....	42
«И на циновках из соломы грубой...» (пер. В. Бурика).....	43
Охотничий стишок (пер. В. Фоменко).....	45
«Любимая, видишь – смеётся луна...» (пер. А. Акименко).....	46
Докладные в Р.К.И.	47
Как я могу промолчать? (пер. В. Фоменко).....	47
Сталинфельдские директора(пер. А. Акименко).....	48
Товарищам из отделений ОЗЕта Одессы, Тальное и др. (пер. А. Акименко).....	49
Разговор с Менделе Мойхер-Сфоримом (пер. А. Акименко).....	50

Мемориальная доска на здании
редакции газеты «Биробиджанер Штерн»

На фронте. Март 1945 г.

Г. М. Кржижановский
и Э. Г. Казакевич. Москва, 1945 г.

Э. Г. Казакевич и командир полка
З. П. Выдриган. Шуя, 1942 г.

Э. Г. Казакевич в эвакогоспитале.
Барнаул, 1944 г.

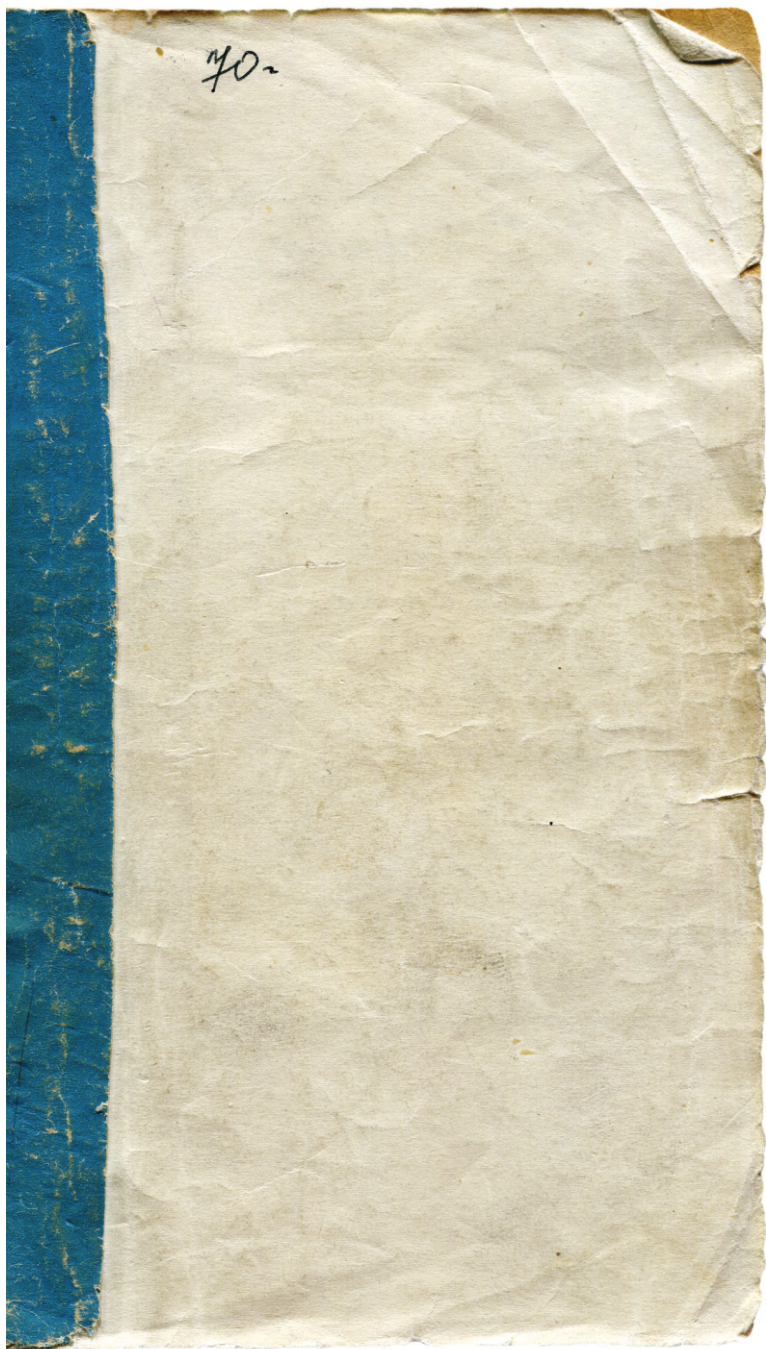

Э. Г. Казакевич, 1940-е гг.

Э. Г. Казакевич и М. В. Исаковский.
Коктебель, 1954 г.

Э. Г. Казакевич с дочерьми Лялей и Женей.
Москва 1947 г.

А. Т. Твардовский, М.К. Луконин и Э. Г. Казакевич.
Комсомольск-на-Амуре 1949 г.

19
מיר וועלן לייענען
די שמוץ פון טויזנט יאָר
קעדי פארניכטן
אָט דעם טויזנטיאָר
אינ פיר יאָר!

דעב' מענדעלע!
ניט וויינט—
ניטאָ קיין צייט,
ווער קאָן איצט וויינען,
אז קיין ארבעט פעלט ניט—
עס קומט א גרויסע זון פון מיזעכ־זייט,
עס קומט א גרויסע זון פון מיירעוו־זייט,
פון דאָרעם־בלוי און צאָפנדיקער ווייט
אינ העלג גאנג
פון אופגעברויזטע וועלטן.
אפ אייער גרויען קאָפּ
פאלט צו א מידער רויכ
און טוליעט זיכ
צו די געפלאצטע ברייטן.
און מיר—
מיר הויבן אופ
די ערד אינ הויכ
מיר הויבן אופ זי
העכער פון דער הויכ—
אינ זון פון זיג
פון ליבע
און פון פריילינג!

ט.ט.ט. מאי 32.

איר הערט? אינ טונעיאדעווקע
האָט זיכ א שרעק צעקאטשעט—
די יידענעס פון יאטקע
האָט מען ראסקולאטשעט!

איר וויינט, רעב' מענדעלע?
כ'פארשטיי עס טוט אייך באנק...
אביסל באנק...
דאָכ פארט געווענ...
א טרויער...

ניט וויינט, רעבמענדעלע!
עס קומט דאָכ אָן דער באנ,
וואָס ברענגט אונדז ניט קיין בעטלער שוין
נאָר בויער!

ניט וויינט, רעב' מענדעלע!
כאָטש-וויינט,
וואָס איז דער טאָלק?

עס פאסט אייך ניט
א נארישער געלענדער,
מיר זיינען

ניט קיין קאנטאָניסט
אינ פעלקער-פאָלק,
מיר

זיינען דאָכ אַן אויסדערווילטע פאָלק,
מיר

פראָלעטאריער פון אלע לענדער!
וון מירן לעזן אייך—

געוויס, אוואדע יא!
עב'מענדעלע

ניט איין "יא" אָן א שיר "יא"

איז דא א קלעטער,
 דא א צופ
 איז דא א שטונק—
 אונ ראטבאמ קען,
 אונ בעזונ קען,
 אונ גאט קען—
 איז דארע ליפן
 איז כארויסעס טונק
 אונ גראנער
 אפ א דולער קאלאקאטקע!
 איז זינג א לאנגע ליד,
 אויב ס'העלפט ניט אויס רעבי'גאט,
 איז שטעק אריין א דרייערל
 דעם סאָטסקי—
 ביסט דאָך דער קליגסטער—
 ווערסטו
 (נאָטס געבאָט)
 איז בעסטע פאל—
 א שוימער איז א באָד,
 איז ערגסטע פאל—
 א בראָדסקי!
 איר וויינט, רעבי' מענדעלע?
 ניט בויגן, נאָר אווטא!
 ניט וויינט!
 מיר שפּייען אפ די אלטע קוואַרימ!
 אַלט וויסן—
 אייער דאָר איז שוין נישטאָ,
 איר,
 גרעסטער
 צווישן אלע מויכער-ספּאַרימ!

און טויזנט קליאטשעס
הירושען, מיד און דאר
(כאטש נעם זיי
פאר יעשוען
צי באַיאַרדנ!)
ווער וויסט,
רעב'מענדעלע,
צו וואָס ש'מען זיי געדארפט
אריבערפּעקלען
אפּן צווייטן ברעג פון יארדן?
זיי פאָרן, קליאטשעס
אפּ א האַרבסטיקן שאַטי
און אלטע גראַנערקעס
צעפליעסקען
שטיקלעך גומילאסטיק
ס'אנטלויפן בוימער וויניקע
פון זיי
איז מיינען זיי —
די פערדלעך לויפן האַסטיק!
פאַשאַל, פאַשאַל,
דו בעטלערישע בויך
איז וואָי פון ווינט,
איז מיסט פון געלע פלעטער —
עס האָבן לייטערס אין גאנצן
זיידעס אייך געבויט —
איז דראַפּע זיך
און דראַפּע זיך
און קלעטער!

אפ הינטן צי אפ פארנט!...
 איכ דארפ איצט "קניגאנאשעס"
 אפדאסניי
 מיט ביכער פון פארזיי
 און ערשטן מיי,
 וואָס זאָלן דאפּקע וויסן
 וווּ זיי פאַרג!
 איז היידא, רויטער קולטפּורגאן
 א ווערסט און נאָכ
 אפ העלע בייטייכנ
 מיט מירעכדיקן נאָמענ!

און פּרעזימ
 הער איכ קלאָנג:
 "וויי און אָכ!"
 און איכ דערהער
 דעם קוויטשעדיקן פאפ
 פון אייער בייטשל
 "אלטער"
 און "בינאָמענ".
 דאָס פערדל הירושעט
 און בינאָמענ רעדט.
 און הרודעס צאר צעפראלן אלטע טירן.
 און ווינט צעבלאָזט אפ דעכער
 "ידעשלעכע גרעט".
 און ערגעץ שיקערן קאזאקן
 אינ "ושידאָוסקיע" טראקטירן.

רעבי'מענדעלען
 ס'איז נישט אזוי זיך בלאט
 האב איך מיט אייך גענומען פלוצים רייזן—
 כ'בין
 איך דער ריי
 א וואכזאמער סאלדאט,
 און ס'קלעקט קיין צייט מיר נישט
 אפ פילפליקע דריידלעך...
 אפ אייער גרויע קאפ
 פאלט צו
 א מאסע שניין
 און טויעט זיך
 צו די צעפלאצטע פריילעך...
 און איך בין
 צווישן בירע און בירושאן
 איך דעם פארזיי,
 אינמיטן גאלדן פריילינג!
 איר
 זייט געווען א מויכערספאָרמ
 נישט איי-איי!
 אלציינס, וווּ ס'פערדל פאָרט—

Семья Казакевичей:
Эммануил, его отец - Генрих Львович
Казакевич, мать - Евгения Борисовна
и сестра Галя. Гомель, 1919 г.

Э. Г. Казакевич. Биробиджан, 1932 г.

געשפרעכ

מיט מענדעלע מויכער ספאָרימ

Группа писателей Еврейской автономной области. Биробиджан, 1930-е гг.
Слева направо: Э. Г. Казакевич, Г. Диамант, Т. Г. Ген, Б. И. Миллер.

Э. Г. Казакевич с женой Галиной Осиповной и дочерьми Женей и Лялей.
Москва, 1939 год.

3.

כאוויירימ געזערד-אָפּטיילונגען פון אָדעס, טאלנע און אנד.

כאוויירימ! איר לייענט?

איז לייענט און קוועלט,

קוועלט אָן מיינע גוטע און טייערע יידן! —
איר האָט אונדז פיל יונגען געטרייע געשטעלט
נאָר וואָס שיקט איר אויך קאליקעס אָן פון דער וועלט,
גאנאוים,

מעשווענע

און אינוואלידן?

געזערדישע טוער פון טאלנע, אָדעס,
ערשטמייסקער און קראסנער.
איר דינט ניט קיין קליינזל,

און בירעבידזשאנ

איז אייך ניט קיין סאביעז
און ניט אונדזער ארבעט איז קאליקעס שפייז!
מעשווענע

קאנט איר זיך לאזן

דאָרט

בא אונדז איז א לאנד
ניט קיין בערישע נאָרע.

איי:

געט איך פערזענלעך:

אהערצו ניט פאָרט,

ווייל איר זיט אליין ניט אינגאנצן קיין קלאָרע!

יוני 1932.

סטאדינפעלדער דירעקטאָר

דרייאונדרייסיק פראָפעסאָרן
פאָטערלאנד, דו ביסט פארלאָרן!

אָט די באַכמעלע די שיינע
האַט געזאָגט נאָכ היינריכ היינע

אונ עס פאסט זיין ביזער זשאנער
צום ראטווירט בירעבידזשאנער.

דרייאונדרייסיק דירעקטאָרן
אָ. ראטווירט,

דו ביסט פארלאָרן
פיל דירעקטערס קליין און קלענער
און סע שטייען אפ די פלענער,

די דירעקטערס גייען, שפאנען
און זיי הודיען ווי די באנען

מ'דרייט זיך ווי איג רויטן ראָסל
нянек семь, дитя без носу

הערט זשע אייער טאטנס טאטן —
קלערט איר קירצן וועג די שטאטן?

1.

ווי קאָן איך שווייגן?

ווי קאָן שווייגן א דיכטער—זאָגט מיר—ווי?
איר מיינט—נאָר אינ הימלען קריכט ער?
אויב אינ אמור-בירער ראטוירט פייגערנ פֿי,
איז ווי קאָן שווייגן א דיכטער?

אויב דו פייגערסט, אן אַקס צי א קו—ניט דו קלאַגסט
ניט דעם דייפעק דו ציילסט אפּן זייגער—
צי דער דירעקטער זײַט מער ווי אן / אַקס,
צי דאָס קעמערל מאכט זיך געפייגערט?

פערזאָל 32.

מעלדונגען אין ר.ק.א.י.

זעסט געליבטע. דו זעסט ווי עס לייכט
די מיזרענדיק נאנטע לעוואנע?

זיכ דערמאנענ דיינ שמיכל איז לייכט,
נאָכ לייכטער איז גארניט דערמאָנענ.

אלע שטערנס פאלן אראָפּ
אונ ווערן צעטראַטן אמערסטן.
לייג אוועק דיינ אומגליקלעכע קאָפּ
אפּ מיין ברוסט איבער מיילן אונ ווערסטן.

גיב דיינ וונדער-פאכדאָנעשן מויל,
וועלכע איך האב אפּ אייביק באשוואַרן
דורך צעדריי פונ קילאָמעטער-קנויל,
דורכ גאל פונ מיליאָן סעמאָפארן.

ביים איך קינדערש די הארבע לייפ
קוק איך אומ ויך אפּ יעדן קוריער-צוג
כיוויים דאָך מיידל, אז דו האסט מיך לייב
אונ וועסט קומענ, וועסט קומענ אהערצור.

זעסט געליבטע ווי שרייבן איז לייכט,
ווען לעוואָנע צעווארפט אירע שטרייפן.
אונ איך פיל אז מיר בידע באגלייכ
זיינענ שיינ, זיינענ שטארק, זיינענ רייכ,
אז מיר קאנענ אליינ גיט באגרייפן!

מיי 1932.

אונ ס'איז א דופט אוא,
כאָטש נעם אונ בלייב דאָ ליגן,
נאָך פֿלוצים—

א פאזאנ
צערזשט זיכ מיט די פליגל,

אונ—

הא!—

א שאַס!—

ער טאלט!

נו, קערואג היידא גיכער!
היי ברודער קערואג האלט!
ניט זיי אוא מינ קריכער!

נו קערואג. קורצ גערעדט.
(מיט קלוגע אויגן קוקט ער)
ווער בינ איך א פאָעט?
צו כיבין א קולט אינסטרוקטער?

דער הונט קוקט כיטרע צארט:
"וואָס ביסטו טאר א פרעגער?
דו ביסט גאָר ניט קיין נאר
דו ביסט א גוטער יעגער!"

יעגער לידל

וואָס איז מיר נישט גלייכ
און וואָס איז מיר די דליגע,
אויב דאָרטן איז א טייכ
און דאָ איז בלויזע טייגע?

וואָס קאָג מיכ אדן עט!
איז טייגע איז פארוקטער—
צי בין איך א פאָעט
צי כ' בין א קולט-אינסטרוקטער?

איך בין אי דאָס, אי יענא,
און ס'איז מיינ ביקס געטריי מיר—
אָט פליענ ווייסע גענדן
איז הימל-העל פארביי מיר.

נאָר איך בין איצטער „איקס“
מיינ „איכ“— פארשווינדן מעג ער.
איך האלט איז האנט די ביקס
און איך בין בלויז א יעגער.

אפ די שטרויענע צינאָווקעס
ווערט די שיין אלץ בלאט און בלאסער
און די זונ א שרעקלעכ-מידע
טרינקט זיכ אינ אמורער וואסער

אפריי. 32 בלאנאטלאָוענע.

אויסגעקויצט מיט האלבע מענטשן:
"אלהאומיקא טשהעניא וועדא
אָבטימיד, דעבארומ מעדא...": *

דיינע האָר ווי קראָענ פערערס
דיינ גיטארע טויזנט שטימענד
דיינע ליפן שוואנענהערצער.
דיינע אויגן שטיקלעך דימענט
הינטער פענצטער אזא כמורער
ליגט דער פערדזונברעג אמורער

אפ די שטרויענע צינאווקעס
גיסט די זון א שיינ א העלע,
ווי א שיינע ווי א צארטע
א קאַרעישע נאָוועלע
אזוי רויק, אפ א טיינע
ווי דו גיסט די ליפן דיינע.

מאַרג וועסטו אינ דיינ שול גיין
לערנענ קינדער קליין און קלענער
איכ אפ לאנד אפ גאָרע ברייטנ
העלפן אויספילן די פלענער,
און ס'פארפליסט אינ טעג אינ שנעלע
די קאַרעישע נאָוועלע.

(*) א גוט מאָרגן שיינע מיידל, איכ פארשטיי ניש
וואָס דו זאָגסט

שאַען פון דו

געשענקט א. מ. ג.

קאַרעישע נאוועלע

אפ די שטרויענע צינאווקעס
ליג איך בלייב מיט גלידער שטארע
און דו זיצסט און שווייגסט דערנעבן
און דו שפילסט אפ א גיטארע.
הינטער פענצטערלעך פארטרויטע
שטארבט די זון אזא מינ רויטע.

עפעס אלץ איז אזוי בלויזלעך
אפן הארץ א העלע הרודע,
דו ביסט א קארעיש מיידל
איך בין שווייגנדיק ווי בודדע
און ס'איז מיר מאדנער קידעש,
וואָס דו קאנסט ניט ריידן יידיש.

ס'שמעקט מיט אויע דיינ זינענע,
אָפּט מיט יידיש ליכטלעך בענטשן,
אָפּט מיט אוראלטגרויע שטיינער

ליד פון וואפנע-ברענער.

שטייפער די ציינער די גירקע—
 דו זעסט דאך איך בין דאָ גיט איינער.
 הויב זיך מיינ מעכטיקע קירקע,
 ברעכ די פאראקשנטע שטיינער.

א וואלגער איב אויווג אינ הייסט
 דעם מעכטיקע שטייב מיט איינ קלאפ נעם!
 איך און מיינ קירקע—מיר ווייסט:
 די בוינגען פאדערן וואפנע!

וואָל הודיען דער וואלדווינט דער גרייזער
 ס'ברענט דער אויווג מיט פלאמיקע קלארן—
 סיוועל'ג הויבט זיך ריווקע הייזער
 וואָס איך מיט מיינ מי האָב געבארט!

ס'האלט דער ריווקער פייער אינ שטייג
 קירקע מיינע דעם שטייב מיט איינ קלאפ נעם!

אינ מיטן פון זוניקער טייגע
 ברענען מיר בייסיקע וואפנע!

פערואל 32, בירעקאנ.

סמאלע און וואפנע

1

ליד פון סמאלע—גיסער.

קומט די זון אינא העלן פארבייגיין
אפ וואלדישע סטעזשקעס אפ שמאלע
אינמיטן פון זוניקער טייגע
גיסן מיר דופטיקע סמאלע

ס'פאדערט לאנד: סקיפידאר איז נאך ווינציקן
סקיפידאר און סמאלעס—אהערצו!
און די סמאלע צעגיסט זיך צערינט זיך
איבער רערג און טשאנען און הערצער.

א כינעזער—און יידן—כאליאסטער
צווישן קלארקייט פון וואלדישן שווייגן
און די ברוסטן ווי זומער צעכראסטעס
און דער פראסט טרעשטשעט צו מיט די צווייגן.

און דער פראסט טרעשטשעט צו מיט די צווייגן
אפ וואלדישע וועגן אפ שמאלע
אינמיטן פון זוניקער טייגע
גיסן מיר דופטיקע סמאלע.

סטאלינס נאָמען

מיט טראַקטערס אפּ פּעלדער און טחאמען
מיר צעפליסן זיך פריידיקע שטראמען,
פארקנאסטע מיט שטורעם און ווינט!

סטאלין פּערו! טראַנט דעם שענסטן נאָמען,
ווערנדיג דו האַסט נאכ אלץ גוט פארדינט!
עס מוזן די זאגען זיך כוואלדיען!
זיין מאַשין!

זייע צעווארפן
די, וואָס טראַגן דעם נאָמען:
סטאלין,

דארפן זייען אַזוי,
ווי מע דארפן!

סטאלינספּעלד 32.4

הייט איז מיינ הארץ ווי אט דער ראדיאטער
טוען די פליגלען פון טראקטער א פלאטער,
ווי איכ, אונ—
ווי בירעפידושאנ!

ווי איכ, ווי מיינ לאנד, ווי די יאמישע פינע—
(אונ כינע אפ יענער זייט הערט)
זאל זשע די ליד זיכ אלץ ברייטער צעריגען
זאל זי פארשווענקען די ברעגן פון כינע,
ווי רעגנס
די מאישע ערד!

1. מיט 32 יאָר. אמריקע

טראקטער—קאלאנעס

נאָכ א געזאנג און דער קאל זאל זיין העכער,
נאָכ איינס א לידל—

איר הערט ?

גיסט זיך די זונ ארויס אינ טיך ווי א בעכער,
ווערן די לידער אלץ ברייטער און פֿרעכער
און פֿאלן,
ווי האגל,
אפ דרייערד.

העקטארס

און העקטארס

און טראקטערס צעוויקלעך

הויערע און רויכ אפדאטנין! —

איך בין היינט פייערלעך

איך בין היינט גליקלעך

פאלן אפ טראקטערס די זונקע שטיקלעך—
יוגנט

און פרייניג

און מיין

אונטער ברעזענט די סאיע די זאמע.
מוישע!

סערגייעוו!

סי—ששאנ!

כאווער סטאלינ

צו דיר אונדזער ראפארט

און רומ

מיר שטורמעוועג מוטיק דעם ווילדנ ארומ.

זיי זיכער—

מיר בויעג דעם פערטן עטאזש,

זיי זיכער—

ס'איז טרוקן דער פולווער אינ טאש,

זיי זיכער—

מיר זייעג אפ טייגישער ברייט

זייע אונ לידער

ניצאכנ

און פרייד!

וועגצעליעוואָ

32

ווי ויכער.

עס דינען דער מאַרק און די הענט
און די בריקן צוריק זיינען אלע פארברענט,
און דער דראנג איז פארויס.

און דער ווילג איז ווייט,

און דער טראקטער

איז פעלד;

און די ביקס—

אינעם שטרייט.

מיר בעטן עס זאגן:

כאפארצוסק.

קאנטקאט.

כאווער בערגאווינאָוו,

הער אונדזער קאַל,

הער אונדזער קאַל

פון טייגע און טאל—

יעדער אויג איז ווי גאל.

יעדער מוסקל ווי שטאל.

מיר גייען איג גרויסן איג שענסטן פארמעסט,

און די ריע איז שארפ.

און דער ווילג איז פעסט.

פרייטן און פיש

און געהילצ פון טייגא—

מיר בעטן עס מעלדן—

מאסקווע

צ. ק.

דריטער באלשעוויסטישער

.1

ראפארטן

ראיפארטקאמ.
כאוואר לעווין,
בער אונדזער קאל...
יעדער אויג, איז ווי גאל.
יעדער מוסקל ווי שטאל.
אינ יעטווידער אויער אַ ברייטע מוזיק.
אונטער יעדע פאָר ברעמען
א ווילנ צום זיג.

כאווער לעווין.
זיי וואכ.
טויזיגען דאָ נאָכ בענוג,
וואָס זעענ גיט
ווייטער
פון אייגענעם שנוק
אַס האָבן פון הינטן געלאָזט אַ בריק,
וואָס ווילן אונדז שלעפּן
אן אופהער,
צוריק.

פאלעסטיןער ברויען
אונטער ענגלאנדס מאכט!
אויב געקומענ ברויענ?
וואָס זשע ט'איר געבראכט?

מיר האָבן געבראכט
ציין פארקריצט מיט קראפט
סינע צו דעם ווייזמאן בלאַס
האָבן מיר געבראכט.

בארגשפיצן ווי קארשן,
אויגן ווי די שטערן.
פלעכטן זיך די מארשן
אין מארש—
אין—
טערן!

32,4

מארש-אינטערן

בארגשפיצן-קארשן.
 אויגן ווי שטערן
 קלינגען די מארשן
 מיט מארש-אינטערן.

זונען-שיין צעבליטע
 אין העלער פראכט.
 — כעוורעלייט פון ליטע!
 וואס האט איר געבראכט?

— מיר האבן געבראכט
 ווירן צו דעם שלאכט
 און ליבע צו דעם ראטנלאנד
 האבן מיר געבראכט!

טייגעס טויזנטער-יקע
 אין ווילדער פראכט.
 — כעוורע פון אמעריקע
 וואס האט איר געבראכט?

מיר האבן געבראכט
 באסטאנס ווילע נאכט
 סינע צו די פרעסער-פעל
 האבן מיר געבראכט!

געריטן די גרויקייט
מיט מן—דינאמיט,
מיט גלאנצ פון די זעגן
מיט בראנד פון די שלאכטן—
און, ער

האָט געקרקעכט
פונקט ווי ער איז שוין מיד,
דערציילט פון זיין הונגער
און שלעכטן געמיט
און נאָכדעם אנטלאָפן,
אזוי
ווי א פאכדן!

די ארבעט גייט ווייטער!
היי! ציגל און ליימ!
פארבוי מיט בעטאָן
די פארזומפיקטע הליבע!
שטייט פעסט אפ די ערטער!
מיר בויען די היים
מיט צארן פון האס
און מיט קלאַרקייט פון ליבע!

האָט בירעפידזשאַן

א זאָג געטאָג שטיל:

דו זעסט?

עס צעפראלן זיך ביי פאנאראמען

דו זעסט?

ס'איז א שטורמישער ווינט אן א מיל,

דארם מען די מיל

איצטער בויען צוזאמען.

זעסט, ווי מיר שטייגן איב מעכטיקן שוונג?

זעסט ווי מיר וואקסן?

איז ווער אונז א כאווער!

נאָר טיפּ אינ זיינ הארצן—

דער אוראלטער שטונק.

דער מאכעמ מענדלש—

קאפצאָנעשער אווער.

האָט ער געגראנערט:

„גיס נאָכ!

ס'איז מיר שלעכט!

גיס וועל! ס'איז מינצטער!

גיס שיכ! ס'איז מיר ביטער!...”

און בירעפידזשאַן האָט אינ טייגע געפֿלעכט

געוויבן די גארנט

פון העלן געוויטער,

צו שאנד די אנטלויפערן

ער

איז אנטלאפן, אנטלאפן געהייבן.
מיט זיך די ספעצייזונג פארנומען אינגאנצן.

ער

האט געבראכט

נאָר א פליכ פונדערהייב

און פערענעס צוויי מיט אוקראינער וואנצן.

פארקויפט מיט א רעוועכ

זיין האב און זיין גוסט,

געכיקעט: "וואס ארט מיכ—

צי מיזרעכ, צי דאָרעמ?"

ער האט זיין מאלבוס פארקויפט אינ אירקוטסק

און האט געקלאָגט:

"טוט א קוק,

ווי כ'בינ אָרעמ!"

ער

האט געמאכט אזא קאשערן פארצעפ,

ער

האט געדארשנט אזוי ווי א מאגיד,

נאָר טיפ

אינ זיין בלאַטיקה זיין פיצעלע הארץ

האָבן געפילט פאכראניש געקוואַקעט.

לאכט איז געווען!
 א קטאָן אָנ?
 ס'ארט דייך ווער?
 די ווינטג זיינענ פריש!
 נעצט זיינענ פעסט!
 הארפונעט זיינענ שארפ!
 מע דארפ נאָך האָבן פיש??!
 מע דאָ אָרפ!...
 מע דארפ!

25.2. אמרזעט.

גלייך אנטקעגן כינע
גייט דאָ די פּוּטִינע
מע דארפֿ נאָך האָבן פיש?
מע דארפֿ!
געוויס!

נאָר ווי ביז איך עס דאָ
ווען ס'בלאָזט אַ ווינט אַ פּרישער?
נאָר ווי קומ איך אהער?
וואָס איז עס פאר אַ נעס?

הע! כ'ביז אויך אַ יונגער
און אַ מוסקלענדיקער פישער
וואָס איז דען,
אויב איך שטאמ
פון פאריטש צי אָדעס?

ס'וועט אויסגעפילט דער פלאַן זיין!
ווינטן זיינען פריש.
נעצן זיינען פעסט
הארפונעס זיינען שאַרף.
מע דארפֿ נאָך האָבן פיש?
מע דארפֿ! מע דא אַרפֿ!..

פאנצערלעך אפ פישן—זאפטיקע און בלייכע,
האַריק מיינע פיס אפ ווינטן און אפ זון.
וואָס לאַכסטו?
וואָס איך לאַכ? עס וואָגט שאלעם אלייכעם
דאָקטוירים הייסן לאַכן.

6.

מאטל כאפט פיש

מ. קאדישעוויטשנ.

...מיין מאמע גאנוועט פיש
אין מארק...
(פון אן אלטער סאָזקס-ליד)

און אָט דאָ אמור איז. און אָט דאָרטן לאנד איז.
נעצן זינקען.

זעגלען זינגען.

כוואליעס כלינען כליפקע.

אפ די כוואליעס ווינג זיך די פישערשע שאלאנדעס.
און די פישערס פאָרען זיך און זינגען שטיל און פליקען

ס'וועט אויסגעפילט דער פלאג זיין!

ווינטן זינגען פריש!

נעצן זינגען פעסט!

הארפונעס זינגען שארפ!

מע דארפ נאָך האָבן פיש???

מע דארפ!

מע דאָ ארפ!

פליען די הארפונעס מיט אקשאָנעסדיקער סינע,
און די נעצן טרעשטשען,

ווי צווייגן אונטער פיס.

צי א ווונדער,

צי א זונ איז דאס

ניט פרעג

קוק ניט אום זיך ניט אינ הויך, ניט אפ צוריק,
פונעם ערשטן

ביון צווייטן פרעג

נענטערט זיך

און נענטערט זיך

דער בריק!

.32.5

בירער בריק

דער קארייער אפן הילצערנעם פארעם
האָט געקוקט אינ ווירבליקן שטראָם.
ס'הענגט אַ הימל, ווי אַ בלימליק געוואנט,
צו אַ ווונדער

צו אַ ווונדער

ניט פרעג!

ס'איז דער ערשטער ברעג אַ גרינע בוימער-וואנט
און אַ בוימער-וואנט איז אויך דער צווייטער ברעג.
דער קארייער אפן הילצערנעם פארעם
האָט אַ שפיי געטאָן אינ ווירבליקן שטראָם.
גייט ארויס אַ פערד מיט שטילן טראָם
שלעפט ער, דער פארעם, אונדז אלע מיט.
דער קארייער דרייט זיין גרויסע ראָד
אזוי כמורנע, אזוי שווער און אזוי מיר.
הערט ער ווי סע קוויטשענ שטיל די שטריק?
הערט ער, ווי גערודער טוט אַ קנאל?
עט ער, ווי מיר בוינע דאָרט דעם בריק
בא דעם אַפפלוס אינעם גרינבלעכע קאנאל?
הויבן סוואיעס זיך אקשענעסדיק און שטאַלצ,
שפיינע אפ דעם שוים מיט דולן שטראָם,
סקריפעט דער פארעם מיט פוילע האַלצ
און עס קוויטשענ שטריק אפ דעם פארעם.

האָב איך די פערדלעך געגעבן אַ שלאָג,
אזש זיכער מאטבייעס פון פערדישע טלאָ.

פליען מיר, פליען מיר, טייערע געסט;
זעט איר די ראכעוועס—טאָ זעט ניט פארגעסט!

ווייל איר ווייסט און איך ווייס אַן היצ און פאראד;
בירעבידזשאַן מוז ווערן לענינגראד!

פליען מיר, הייסט עס, אַ פראָסטיק געניי,
שפריצט פון די פאָדקעוועס דער טייגישער שניי.

שפריצט פון די הערצער אַ ריזיקער בראנד
פאר אונדז און פאר אייך, און פאר ראטנפארבאנד:

פאר וועלט און פאר אלע.

און ברודער איז—בראט!

און בירעבידזשאַן מוז זיין לענינגראד!

מיר זיינען איין העלע, איין מעכטיקע ריי
От самой тайги до Британских мореИ

דער דעלעגאציע פון לענינגראד

שניי אפ גארע לענגענ—העל און ראָז,
עס קניפט אוש בא די פיס בירעבירושאנער פראָסט.

די פערד געשפאנט אינ היגעפאקטג שליטנ,
לענינגראדער דעלעגאציע אינ שליטנ פליט.

אווער מושניקאָוו פון פוטילאָווער זאוו זאָ
האָט לאנג געשווינג און אַ זאָג געטאָג: "וואָס.

די זון בא אייכ, ווי אַ מייזשע, גליט.
דער דורכרייס בא אייכ, ווי אַ שליטנ, פליט."

כאווער אלעקסייעוו פון זאוואָד "באָלשעוויק"
האָט פריילעכ געטאָג מיט די לייצעס אַ וויג.

"שניי בא אייכ אויפיל אפ בירער ברעג.
ס'פעלט בא אייכ אויפיל—פאָשעט אַ שרעק!
און דאָס וואָס עס פעלט אייכ און דאָס וואָס ס'איז
נישטאָ וואָס אייכ צו צו געבנ לענינס שטאָט."

פון זייערע ווערטער, פון זייער קאָל
איז מיר געווארן הייס מיטאמאָל
איז פלוצים אינ הארצנ געוואָרן מיר ענג
האָב איכ די דאָכע צעלייגט אינ דער ליינג

איב שטורם פון וואלד!

די העק איב די הענט און א פייער איב ברייט
און קיינ לידער נישט וואס צו שרייבן,
"קיינ איב פארטייער,
קייב איב קאמיוניסט
טאָר אינדערהיים היינט נישט בלייבן!"

זינגען די זעגן—א בראַך און א שפאלט,
זילבער פון שניי-זאווערוכעס:
ברידער!
כאוויירמ! איב שטורם פון וואלד!
פלינק דארפ מען זיי, ווי די רוכעס!

פלינק דארפ מען זיי און יונג און שלאנק,
דאָס לאנד האָט אונדז אלע באפוילן
פון שנעיקן זילבער, פון זעגן-געזאנג
זאָל ברויט זיי,
און טראקטערס,
און קוילן!

און אויב ס'וועט דער סינגע פארוועלטן מיט גוואלד
אונדזער לאנד, אונדזער שטאָלצקייט צעקנעטן
מיר וועלן פארוואנדלען דעם עקספארטנעם וואלד
איב אן עקספארטנעם וואלד פון באגעטן!

קלאפ איכ אינ די בראנד־טאמטאמענ
אונ איכ פעסטק מיינע שטאמענ
אונ די ווינטנ מיינע בלאָזנ
כיוועל נישט דאָזנ!

כיוועל נישט דאָזנ!

א, בירגערנ טייגא!
ניט ריטשעט, שא נאָר, שא נאָר!
מיר זיינענ נישט קיין שרעקעוודיקע,
מיר
בירעבידזשאנער!

מע דארפ אזוי נישט קוויטשענ אונ נישט שימפנ
עס העלפט נישט
ווען מע ווילדעוועט אונ שעדט:

מיר
האַבן זיך פארקאָנטראַקטירט
נישט ביזנסאָפּ פונג פינפֿיאָר,
נאָר ביזן סאָפּ פון אלע טייגעס
אפ דער וועלט

איר האָט פֿון לאנג באהערשט מיכ געוואָלט,
נאָר איך בין
אזוי ראצבעדיק און פילבאר.

אינ מינע ברועמס לינג פֿודן גאָלד
אינ מינע הוילע היילג—
אויצערס זילבער...
ווען ס'פֿארוועבט שוין
וואָלד און שפּיר שוין,
ווינטן שעפטשען
בלעטער שורשען
...שטילער, ענגער, קילער, שוואכער—

קימט איר אָן מיט האק און זעג
און די צוימער מינע קראכט,
פאלט אומ אפ גרינע פלאכט,
ווי דז זעק...

און די חזק—זיי רוישן פרעכע,
וועקט אופ אינ מיר אן עכאָ
און די אייזנס ריטשען, הוילג,
זוכט זילבער, גאָלד און קוילג—

דאס וואָרט באַקומט

די פירגערב טייגא

ט'בארימט זיך טייגע און צעשמאָלצט שיר זי ווערט
פון אירע טויזנט וועגעלעך און שפורנ:

"איז זעט?"

"איר הערט?"

"סע צוואַנג טייכלעך מיר די וואָרצלדיקע בערד
און ס'קעמען ווינטן מיר די בוימערשע פרויורנ!"

"מיין גרינ-לעוואָנע-גראַז

האָט ווייניק ווער באַטראַטן,

כוצ בערן, בערווענעס און פלינקע בורונדוקן.

אפּ מייע ווילד-צעוואַיטע באַראַטן

סע קנאָקן וועווערקעלעך ניס אפּ פליכעוואַטע סוקן

און שוואַרצע פלעזערמיז אין הוילער נאכט

זיך סוקן...

צום וואַסער קומען איינזאם שטאַלצע הערשן...

און מייע ווינטן רעגן זיך און בלאָזן...

און ווער

סע זאָל ניט קומען

מיכ

באהערשן

וועל איך ניט לאָזן!

הערט?

איך וועל ניט לאָזן!

און אונדזער פארטיי מיט אויגן-בראנד
 האָט זיך צוגעהערט צו דעם געזאגט
 זי האָט אונדז א שטאלענעם טראקטער געשפּאַנט
 זי האָט אונדז געגעבן א זאסטופ אין האנט
 און האָט אונדז געזאגט: „בוי!“

וון אפ אלע פליינע
 און די האזן טאנצן
 שוין ביטא די קליינע
 מירעכדיקע סטאנציע.

א רוישיקע א שטאטישע,
 אהערן און אהינען
 מיט ראפארטן צו מאסקווע
 און מיטן אויג
 צו כינע!

32.1

אויב א טיגער — איז ניט שלעכט,
א בהיימע — גאר נישקאשע...
— שוויגער לייט, טיגער-פלייש
איז מיסטאמע "קאשער" ?

קומענ זיי צו פליינענ
ווי די שטראלען טאנצן —
א טיכאנקע, א קליינע
א מירעכדיקע טאנציע.

דארטן איז א טאפּקע,
ווייטער איז א לאַנקע,
מענטשן — אפּ א קאפּקע,
אפּ טשערוואַנצעס — סאמאָהאנקע...

— מייער נו וואס זאגסטו?
ווי געפערט דיר קאַרייער?
"דו זעסט זיי זיינענ געל"
אסימענ — מעסט דא אייער!"

די ווייט האָט גערעוועט, אזוי ווי א קו
אינ אוראלטן טייגישן קלעם,
די ווייט האָט זיך ראכמיים געבעטן: קר-ומ!
קומ אהער אנעט אונ-נעמ!"

האט די פארטיי מיט אויגן צעשטראלט
באקוקט אט די בארגיקע קייט
באקוקט אָט דעם אוראלט
געהויקערטן וואלד
און האט אונז באפוילן: גייט!

איינער נאכ דעם אנדערן
אויסקוקער און שפירער
פאָרן איבערוואנדערער
אפ וועגן אפ סיבירער

דורך לענגען אויטשישע
דורך טייגע-ברייט דורך פרעכער.
— כעוורע! יוגנט יאטישע,
הויב די נעזער העכער!

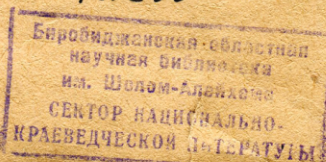
הויב די נעזער זינג א ליד
פונ א נייעם זשאנער
קלינג דו ליד דו פלינקע ליד
דו ליד פירעבידזשאנער!

„צדאקא טאצל“
„זייט געוונט“,

אלטע גרויע היימענ...
— זאג נאך מיישע וואָס איז דאָרט —
א טיגער צי א בהיימע?

12853 - 11

17

שאַפּונג.

1.

טיכאַנקע—פירעפידזשאנ

מ. ראשקעסן

זונ אפּ אלע פליינען
און די האָזן טאנצן...
געווען איז דאָ א קליינע
מיוזעכדיקע סטאנציע.

א טיכאַנקע, א שטילינקע,
מיט בעקעלעכ מיט גרינע—
צען טויזנט ווערסט פון מאַסקווע
און הונדערט ווערסט פון כינע.

דאָרטן איז א סאַפּקע,
ווייטער איז א לאָנקע—
פאקט מען וווּ א קאַפּקע,
קנאקט מען סאמאהאַנקע,

די ווייט האָט גערעוועט אזוי, ווי א קו
אינ אוראלטן, טייגישן קלעם.
ס'האָט זיך די ווייט געבעטן: "קומ!"
קומ אהער אָנעט אונ נעם!

ווער וועט דאָ שפּאַנען מיט ביקס אינעם שימל,--
אז ברייט ווי דער הימל די גרינבלעכע פלאטע
אונ וויסט ווי די פלאטע דער זוניקער הימל...

* * *

וויילט זיכ אַ שפּאַן טאג דורך ברויזיקער ראכוועס,
וויילט זיכ אַנעם טאָג די ברייט אונטער פאכוועס,
וויילט זיכ אַ גיי טאג אפּ עקן פונ וועלטן
צעלייגט די קאטשקא אירע גרינע געצעלטן
א פעטע,
א ברייטע,
א ווונדערלעכ גרינע

א הייל-לאבירינט

מיט צעפראלענע טירן.

מוז מען

מיט קראפט

פונ דער רויטער מעדינע

די גרינע מעדינע

ביז ענד ליקווידירן!

32.6.

3.

גרינע געצעלטנ.

געשענקט ביינמעסטנ *

וואסערנ

קייקלענ זיכ

וואסערנ פאלנ—

אינ זומפנ, אינ טייכלעכ, אינ בלאַטעס, אינ קוואלנ.

קאָטשקא

האַט צעלייגט אירע גרינע געצעלטנ

דורכ גראַזנ, דורכ לאַנקעס, דורכ בלאַטיקע קעלטנ...

טייגא

אונ קאָטשקא

אונ דאָרניקע קרויטנ

אונ גרינשפיגל בלאַטע בא זונ־פארגאנג רויטנ...

וודיקע זונ־פיקעט, זומפיקע זומפ

א הונדערט קילאָמעטער כליופענ אונ כליופענ...

טוט דאָ אַ גאָלדענער פיקסל אַ שנארע

אָהער אונ אהינ—

אונ צוריק אינ דער נארע.

פונ גרעזל צו גראַז, פונ געוויקס צו געוויקסל

ווייל ניט פארקערנ די שפורג דאָס פיקסל—

ווייל ווער וועט עס גיין

אפ צעיושעטנ בלאַטער

ס'איז דער בארג-אזבעסט
און די פרעש: "קוועק-קוועק"...
נאָר מיר זאָגן "פעסט:
"ס'מוז דאָ וײַן אַ וועג!"

2.

וועג-בויער.

פיכטעס העלער שפיל
שאַקלט צו זיכ שטומ.
אומעטומ איז שטיל,
גרינ איז אומעטומ.

פרווי נאָר גיין „קרוהאמ“
פרווי נאָר טופענ שטארק
ס'איז פונ רעכטס א טהאַמ
אונ פונ לינקס אַ בארג.

אונ אינ טהאמ איז גרינ,
זשאבעס קוואקענ שטיל.
בלויז אַ טראט אהינ,
ענדיקסטו דיינ שפיל.

נאָר דער קאָפ איז ריינ
אונ ס'איז שארפ דער לאַמ
אונ עס פליט דער שטיין
אינעם גרינעם טהאַמ.

אונ נאָכ דעם:

—אנטלויפ!

מע פארשווינדט הינטער שטאמעג.

פונקט ווי ס'איז גארניט געווען דא.

זיי האָבן שפעטער געשאפן, מיסטאמע,

אַ מאָדנע אַ נייע לעגענדע.

פארשטייט?

אַ געלעכטער!

איצט ווייסט זיי סיי ווי

דערווסט שוין דעם טראקטערס כאראקטער.

נאָר דעמאָלט

געמיינט

אז ער איז נאָר אַ טייל

דער פראַסטער אייזערנער טראקטער!

איר פרעגט

צו דאָס דאָרפ האָט שוין לאנג

אזא אויסזען.

מיט טראקטערס

זודיק/אונ גלאנציק?

די מיסע ט'פאסירט

אינעם יאָר; טויזנט

ניין הונדערט

אכט

אונ צוואנציק!

.32,6

ארום איר

א כוישעכ.

ניט ווערן קיין ווילדע

איז כאטשבע מיט פוימער פארברענגענ...

די שטורמישע גרינס

אזעלכע מילדע

און איינציטיק

אזעלכע שטרענגע.

דער מאַטאָר האָט גערוישט

און צעקלאַפּט די לעגענדע

פון טייגישן שווינגן אין רייענ:

און פלוצים

אם לאַנקע

בא וואלדישער ענדע:

געשרייענ,

געשרייענ,

געשרייענ!

קאַריער, קאזאקן, פארשריען דעם ייִשען

אם גרענעצ פון טייגע פון שטילער:

מאר זיי

האָט דער וואלד

זיכ געטאן א צעקרישע

און ס'איז ארויס

ווי א שרעק

ווי א קישעפ

אונדזער זעכציקער־קראפט קאטערפילער.

גרינע געצעלטן

געשענקט די פיאנערן
פון 1928 יאר.

1

דער ערשטער טראקטער.

דורך שטורמישע וועלדער
מיר האָבן געפויזעט,
וואָס ווייטער געוואָרן געוואגטער.
דורך פעלדער פון לאנד,
דורך זומפיקע בלוזונ
אפ א נייעם
אַ גלאנציקן טראקטער.

מיר האָבן די וויינטרויבן ווילדע געריסן,
מיט בענזין און מיט טוי זיך געוואשן.
מיר האָבן פארלאָרן זיך,
צוויי טראַקטעריסטן.
אינ שווארצע
אינ טייגישע אשן.

איז אויב ס'וועט אונדז רופן אונדזער פארטיי,

איז ווער וועט דאָ זאָגן:

„שטיי!“?

און אויב לאנד וועט אונדז הייסן פארפרעסן די צייט,

איז ווער וועט דאָ קרעכצן:

„ניין“?

קיינער ניט!

קיינער ניט!

איז פעסטער די טריט!

און פעסטער א שפאן נאָך א שפאן—

צעהילכט זיך אין רוימען די זעלטענע ליד

פון מיין היים,

פון מיין בירעפירזשאן!

.32.1

* * *

אף מיירעו האָט ריווקע זון ויך צעבלייט
 און אף מיורעך זייט דונערט געהיימ...
 צעגיסט זיך אין גלידער
 א זעלטענע ליד
 פון מיין העלער,
 מיין טייגשער היימ.

ווער איז אזוי נאָך אין לעבן געגאן,
 ווי מיר דורך צאָרן און יאָכ? ..
 ס'רוישט און עס פיבערט דער דולער כינגאן,
 וואָס פאָדערט
 אלץ נאָך און אלץ נאָך!

און וואָס איז ניט גרינג אונדז, און וואָס
 איז אונדז שווער?

און ווער וועט אונדז העלפן, ווער?
 ווער וועט צערייסן די טייגשע פענט,
 אויב ניט מיר מיט די אייגענע הענט?
 און וואָס איז אונדז רעגן
 און וואָס איז אונדז פראָסט,
 אויב מיר זיינען א וואכזאמער פאָסט?

Здание Типографии в Биробиджане. Конец 20-х начало 30-х гг.

Делегаты II областной комсомольской конференции. Биробиджан, 1937 г.
Э. Г. Казакевич крайний справа в 5 ряду.

פאָרוואָרט

דער דאָזיקער לידער־בוכ איז אָנגעשריבן אין
פירעבידזשאַן און וועגן פירעבידזשאַן.

יעדער מאַטיוו, יעדע קליניקייט איז אַט די
לידער זיינען גוט באַקאנט יעדן בויער אין פירע־
בידזשאַן.

אין קאמפ פאר איינעמען די אויצרעס פון
דעם דאָזיקן לאַנד אפן ווייטן מיזרעכ, אפּ דער
גרענעצ מיט מאַנדזשוריע, שמידן מיר אויס נייע
מענטשן און נייע לידער. די דאָזיקע לידער זיינען
נאָר א פרוו, ניט אומעטומ א געלונגענער. אין זיי
פונקט ווי אין אונדזער גאנצער בויונג, זיינען דאָ
דורכרייסן.

נו איז וואָס?

די הענט ווערן פעסטער, די ריע־שארפער און
אלע דורכרייסן וועלן מיר ליקווידירן, און אלע
פראָגראַמען, וואָס די פארטיי וועט אונדז געבן, וועלן
מיר אויספילן, ווייל „די רעאַלקייט פון אונדזערע פראָג־
ראַמען זיינען לעבעדיקע מענטשן, מיט אייך, אונדז־
זער גרייטקייט, אונדזער ווילן צו זיגן“ (סטאלין).

עמ. ק.

Э. Г. Казакевич,
«Дорога в Биробиджан».
Титульный лист (идиш), 1940 г.

Члены литературной студии ЕАО. Биробиджан, 1930-е гг.

84 (2Pc-6Eep) 6-5

W 14

12853-4

הענין

יאנקל לעוויעב

1718

הענין קאזאקעוויעב

РЕДКИЙ ФОНД

КОЛЛЕКЦИЯ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Библиотечная библиотека
научная библиотека
им. Шолом-Алейхем
СЕКТОР НАЦИОНАЛЬНО-
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

אבערעגעבע אין דרוקעריי 20/IX
אונטערגעשריבן צום דרוק 8/X
רעדאקטער ח. קאזאקעוויטש.

Казакевич Э.
Биробиджанстрой

г. Биробиджан.
Дальполиграфтрест

דרוקעריי 1932
„דאלפאליגראפטרעסט“
שט. בירעבידזשאן
נומ. 11.

ראליט נומ. 34.

Казакевич Э.

Литературное, научно-популярное издание
Эммануил Генрихович Казакевич
г. Биробиджан

Сдано в набор 10.10.2016 г.
Подписано к печати 12.10.2016 г.
Формат 60х90 1/16. Бумага КМА.
Печать офсетная. Усл. печать 7,3 п.л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОГАУ «Издательский дом «Биробиджан»,
г. Биробиджан, ул. Ленина, 32. Тел. (42622) 667-21,
E-mail: idb-2009@mail.ru